

ЛУЧШАЯ ПОЛОВИНА*

Роман

То были странные времена. Всюду царило равнодушное безобразие. Некогда набравший мускулатуры и искренне поверивший в себя средний класс постепенно сдувался под тяжестью все увеличивавшейся разницы курсов валют.

За взятые ранее кредиты было все сложнее платить. Заграница и вовсе становилась доступна лишь избранным. Кто бы мог подумать, что «железный занавес», наспех сколоченный из санкций, вперемешку с пачками долларов и евро, вновь опустится перед недоуменными лицами сограждан? Трезвый расчет подсказывал, что даже самый паршивый сэндвич, съеденный в сетевой забегаловке за бугром, стал обходиться «руссо туристо» в два, а то и в три раза дороже, чем дома. Туры же в Крым и Сочи оказывались неподъемнее привычных курортов Турции и Египта, превратившихся в пусть второстепенные, но все же заметные очаги активности праверных, по их словам, мусульман.

На смену уходящим одному за другим титанам мысли никто не приходил. На их местах — основательных и выстраданных — зияли зарастающие мхом безразличия дыры, а само время сжималось, закливалось на себе самом, превращаясь в детскую погремушку — лаконичную и, по сути, бессмысленную. Казалось, жизнь уже никогда не будет прежней и не сможет более идти по проторенным тропам, но всякий раз все продолжалось, словно бы ранее ничего и не случилось. Никто не замахивался на потрясение основ. Все вокруг становилось предсказуемым и малоинтересным, никаким — бисексуально-бесполом.

Как это ни показалось бы кому-то странным, но именно в это безвременье, когда любой мало-мальски значимый прогноз на будущее казался сущей глупостью, Артур вроде бы нашел себя. И хотя он, мысливший себя литератором («писатель» — слишком ко многому обязывало), был напрочь лишен коммерческой жилки, тем не менее умудрялся зарабатывать в разы больше прежнего.

Подвизавшись в одной из школ для отпрысков преимущественно непростых родителей, где ежедневно по будням вел два занятия литературного кружка, Артур так же успешно паразитировал и на своих литературных способностях. Так, не приложив к тому хоть каких-нибудь усилий, он оказался на оплачиваемой встрече с очевидно слетевшим с катушек долларовым миллионером, зачем-то вздумавшим преобразовать мир, как некогда пророки — с помощью книги; готовил проект заявления Государственной Думы с резким осуждением притеснения мусульман Мьянмы;

Арслан Дагирович Хасавов (1988) — писатель, журналист. Окончил Институт стран Азии и Африки МГУ, магистратуру НИУ «Высшая школа экономики». Лауреат Всероссийского конкурса молодых журналистов-международников (2013), независимой литературной премии «Дебют» (2014), председатель жюри премии «Студенческий Букер» (2015). Автор сборника эссе «Отвоевывать пространство» (М., 2015), сборника прозы «Смысл» (СПб., 2016). Публиковался в литературных журналах «Нева», «Новый мир», «Дружба народов», «Юность», федеральных общественно-политических СМИ. Отдельные произведения были переведены на английский, китайский и арабский языки.

* Журнальный вариант.

читал и оценивал работы журналистов, поданных на очередной сезон некогда выигранной им премии...

Все, что сулило конкретную здесь и сейчас выгоду, вызывало в Артуре прилив сил и энергии. Он с удовольствием брался за всякую работу и выполнял ее не только в срок, но и с некоторым куражом человека, знающего чуть больше окружающих. Тексты, написанные левой ногой, появлялись на страницах влиятельных еженедельников в разделе «аналитика», а банковский счет Артура пусть и не разбухал неимоверно, но регулярно пополнялся. Усвоивший азы колумнистики — личного высказывания на журналистский лад, он, движимый восторгом перед собственной изобретательностью, однажды умудрился написать две прямо противоположные колонки на одну и ту же тему, да к тому же подтянул к каждой из отстаиваемых позиций достаточно убедительную базу. Бывший некогда идейным борцом и даже неоднократно задерживавшийся за участие в несанкционированных митингах, теперь он осознал, что главная сила — власть и деньги, а правда, если она вообще существует, плетется где-то в конце, да еще и понунив косматую голову, стыдливо переставляя ноги.

В былые времена он успел написать книгу — по-своему честную и безапелляционную, но теперь всякое упоминание о ней вызывало в нем странное смятение. Отныне в аккуратном и рассудительном Артуре невозможно было узнать автора того внутренне возвышенного текста. Лишь изредка, да и то после немалого объема выпитого совместно, собеседник мог заметить вдруг вспыхнувшее пламя в его глазах. Теперь редко кто, как в былые времена, мог втянуть его в подлинную самоотверженную схватку, где он, пусть и сам получая тумаки, вдруг превращался чуть ли не в льва. Что касается споров, то здесь — в игре ума — Артур, как и в своих журналистских заметках, мог занять любую, пусть даже диаметрально противоположную позицию и с явно надуманным жаром отстаивать ее, с хитрой улыбкой реагируя на выпады соперника и постепенно, чаще всего успешно, загоняя того в угол.

О, Боже! Как же мне было жаль Артура, когда я с ним познакомился. Я, как многие, искал встречи с ним, ведь первая его книга произвела на меня неизгладимое впечатление. Имевшая множество недостатков, она показалась мне — студенту четвертого курса филологического факультета — глотком свежего воздуха в пространстве современной российской прозы. Я не без труда, но все же защитил курсовую по книге Артура (труд прежде всего заключался в том, что ни мой научный руководитель, ни один из моих оппонентов не смогли дочитать рассматриваемый текст до конца) и теперь мог лицеизреть автора.

Сложно было узнать в этом немного оплывшем холемом молодом человеке автора столь вдохновенной книги, главный герой которой бросался на мечи существующей всюду несправедливости. В разговорах Артур то и дело срывался в вопросы, связанные с имущественными отношениями, — вроде как выплачивал рассрочку по своей московской квартире, и, черт возьми, планировал приобретение кладовки. Хранить, по его собственному признанию, ему в ней было нечего, но на будущее, опять же, по его словам, она могла пригодиться. Что это было за будущее — как я ни подступался — Артур не хотел говорить.

Анонсированный им в одном из давних интервью (новых, к слову, сколько я ни шерстил Интернет, не мог отыскать) роман так и не был выпущен, а возможно, и написан. Занятый другими заботами, он увязывался за девушками определенного свойства, нелепо плясал перед стойкой престарелого диджея и до того, как нас попросили покинуть недорогой клуб, даже пытался крикнуть что-то в микрофон.

Он выглядел нормально, насколько нормальным может быть среднестатистический молодой человек. Казалось, Артур ничем не выделялся, быть может, лишь

превосходил окружающих харизмой, которую было легко перепутать с нахрапистой наглостью.

Мой глубинный интерес превзошел явное отторжение среды, в которой он стал проявляться. Мы с Артуром подружились — насколько это вообще возможно между такого типа людьми.

Слишком уж звенящей была пустота вокруг меня, слишком интересным и заманчивым казалось пребывание рядом с буйным духом, который, возможно, и я верил в это, сможет в полной мере проявить себя в сложный исторический момент. Я также легко мог поверить и в то, что умения и навыки Артура никогда не пригодятся, а сам он, вместе со своей харизмой и знаниями, довольно скоро окажется на обочине не только истории, но и простой человеческой жизни.

* * *

Он вытащил револьвер и выстрелил в воздух.

— В атаку! — крикнул Артур не своим и даже уже не человеческим голосом.

На секунду показалось, что он услышал себя со стороны. Мелкая дрожь пробежала по его подтянутому телу.

Артур был одет так, как когда-то мечтал: черный тулуп, шерстяное кепи надвинуто на глаза. Тонкий подбородок украшен темной с проседью — словно привет из будущего — щетиной. Где-то за его широким плечом мелькнула черная глыба памятника Маяковскому, колоннада Концертного зала Чайковского, шпиль одного из осколков советской Атлантиды — пятизвездочной гостиницы «Пекин».

Мне бы
памятник при жизни
полагается по чину,
Заложил бы
Динамиту.
— Ну-ка
дрызнь!
Ненавижу
всяческую мертвечину!

Тысячи, а может, и десятки тысяч собравшихся. Площадь заполнена настолько, насколько хватает глаз. Низко — едва ли не над головами митингующих проплывает военный вертолет. Из его приоткрытой дверцы — кто бы мог подумать — то и дело мелькает дуло винтовки. Сизый бас из динамиков, расставленных здесь и там, требует, чтобы люди разошлись.

— Ваше собрание незаконно! — вновь и вновь повторяет обладатель голоса. — В случае если вы будете оказывать сопротивление законным требованиям Национальной гвардии, к вам будет применена сила!

— Россия будет свободной! — словно по крупинкам рассыпается по площади. Несвязно, а оттого как будто и бессмысленно.

С Тверской-Ямской, буквально расталкивая толпу с высоких бордюров Триумфальной площади, один за другим стали выкатываться бронированные «Тигры». Из них, будто бы в замедленной съемке, высыпает многочисленная армия сотрудников спецподразделений. Сперва рассредоточенные, словно муравьиная армия, они организовались как-то вдруг, очевидно в привычном порядке, представ в виде слаженных отрядов человеческой силы. Выглядели они, надо сказать, устрашающе, так

что некоторые протестующие, не сговариваясь, стали пятиться с площади, которую до того, если верить их словам, планировали отстаивать до последней капли крови.

Ситуация развивалась стремительно — на нескольких автомобилях включились водометы, без лишних слов начавшие валить с ног даже самых крепких протестующих.

Толпа, опешив, отступила, но спустя какие-то мгновения, не сговариваясь, вдруг снова выступила вперед. Оглушительный взрыв — возможно, выстрел из гранатомета — отозвался в окне здания Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы на другой стороне площади.

Женский ор, вырвавшийся из мгновенно запыхавших окон, перекрыл все происходившее на площади. На доли секунды показалось, что все другие звуки затихли — и ропот собравшихся, и нудный гул громкоговорителей, и регулярные переключки сотрудников спецподразделений, и даже некогда оглушающий рокот вертолета. Еще один громкий хлопок, и вертолет, по-киношному задымившись, накрепился, чтобы немного, будто маятник, покачавшись из стороны в сторону и все-таки выронив отчаянно сопротивлявшегося силе притяжения снайпера в разошедшуюся, словно от камня вода, толпу, с шумом наконец упал, образовав страшную воронку, заполненную еще живыми и окончательно мертвыми.

Площадь превратилась в ад — здесь и сейчас происходило то, что передергивало затвор истории. Чем все это могло кончиться, вряд ли было известно даже Господу Богу.

— В атаку! — крикнул Артур еще громче, и, движимый внутренним подъемом, достал из внутреннего кармана лимонку, вырвал чеку и бросил в сторону военных. Служащих разбросало в разные стороны, некоторые тут же застыли без движения, другие продолжали шумно стонать, держась за окровавленные конечности или то, что от них осталось.

Осеннее, будто питерское, гадкое серое небо смотрело на происходящее с безразличием. Перебей они тут друг друга, снеси режим и построй новый, в центре которого будет стоять подлинный сверхчеловек, казалось, небо не проявит и тени соучастия.

Над площадью, а возможно, городом и миром завыл сигнал воздушной тревоги — оглушающе громкий, он беззастенчиво вгрызался в мозг, не давая сконцентрироваться. Повсюду слышались призывы отступить — откуда-то стало известно, что с одного из военных аэродромов в небо были подняты истребители и пилоты получили приказ стереть собравшихся в порошок.

Все проблемы мира отступили на шаг — вечно голодающие дети Африки, нестабильность на Ближнем Востоке, покушения и заказные убийства, будет ли наконец захоронен Ленин — все разом потеряло значение. Верховный главнокомандующий, нервно заламывая руки, отдавал из-за красной стены один приказ жестче другого — пленных можно было не брать.

Молодые мужчины, женщины, старики, подростки, городские сумасшедшие — все смешалось, и распутать этот гордиев узел мог разве что решительный удар меча Александра Македонского.

Последнее, что Артур запомнил, — опрокинутое небо. И сменившую его пустоту. Звенящее «дзинь», растянувшее и без того безразмерную черепную коробку. Увязшая, словно в желе, простая мысль: «Жив? Мертв? Боже мой...»

Тело Артура сползло по мраморному постаменту, рухнув на каменные ступени. Мельтешение вокруг быстро надоело — гудящие истребители, выстрелы и целые очереди, все продолжающиеся хаотичные хлопки взрывов, сама Смерть, разгуливавшая по площади и хватающая все что ни попадя, отошли на второй план. Ничего больше не чувствуя и мало что понимая, Артур прикоснулся к собственной груди и явно различил, что она в крови. Он показал зубы, то ли оскалившись, то ли улыбаясь.

нувшись хмурому небу. Это было явно лучше спокойной смерти в собственной постели, пусть даже и в окружении любимых.

Кто-то подхватил Артура и потащил... «Куда?» «Зачем?» Кажется, что тот, кто нес его, приговаривал: «Давай-давай, вот так». — «Дзинь-дзинь», — отвечал он молча. Артур чувствовал, кто это мог быть — скорее всего, тот странный парень, который, прочитав его книгу, бросил учебу и присоединился к народному движению.

Что Артур чувствовал тогда, находясь то ли на грани жизни и смерти, то ли на старте своего пожизненного срока?!

Сложно сказать — он и сам не знал. Восторг заговорщика, плюнувшего в лицо предписанной судьбе, своеобразная игра мускулов то и дело сменялись пульсирующим животным страхом. «Что они теперь сделают с родными?» Явственно увидел племянников — троих погодков — одного за другим. Будут ли гордиться дядей, когда вырастут или придут однажды плюнуть на его могилу за испорченную в детстве жизнь?!

Артур в тот момент, если отринуть сомнения, наконец стал подлинным собой — таким, каким всегда, особенно в пылающей юности, планировал стать, но на что у него всякий раз не хватало то времени, то силы духа.

Теперь, хотя и подбитый на взлете, он сделал свое дело — сделал то, что должен был сделать, а там — будь что будет. Он сказал миру свое, пусть нетвердое, «нет».

* * *

Чем чаще мы виделись с Артуром, тем больше он мне о себе рассказывал. Выяснилось, что под напускным равнодушием и спокойствием скрывался по-настоящему взволнованный и даже потерянный человек. Постепенно я стал замечать, что Артур ищет моей компании. Так, высказавшись на волнующую его тему в очередном полуподвальном баре для большой компании, он всякий раз бросал на меня встревоженный взгляд — понял ли, успел ли зафиксировать.

Я довольно скоро покинул стены университета, вынужденный взять академический отпуск как альтернативу полному и безоговорочному отчислению, и все больше времени и внимания стал уделять Артуру. Зачем? Я и сам не знал. Ведь очевидно было, что он — на фоне классических периодов русской литературы — в силу отсутствия сколько-нибудь серьезной конкуренции — лишь раздутый пузырь, который то ли вот-вот лопнет, то ли уже сделал это, обдав окружающих неприятной влагой. И тем не менее я видел в нем своеобразного Печорина — без оговорок героя своего времени, неспособного полностью рассказать о себе и своей запутанной, при кажущейся четкости, системе взглядов. Артур казался мне пусть не идеальным, но безумно интересным объектом исследования — пассионарием, будто сделанным из глины прошлых веков, но попусту растрчивавшим свои таланты.

Постепенно набиравшая ход и тягу дружба в какой-то момент позволила мне бывать у него дома. Так было гораздо удобнее работать с рукописью (об этом ниже), да к тому же ни я, ни он не обладали достаточными средствами, чтобы проводить дни напролет в разного рода кафетериях.

Еще до того, как впервые оказаться в комнате Артура, я читал о ней в одном из его рассказов, которые он неспешно и, похоже, без особого азарта выдавливал из себя один-два раза в год.

Так, в довольно слабом, на мой взгляд, рассказе «Шум» он отстраненно писал:

«Уже который год я проживал в родительской квартире, словно во временке, фактически не разбирая вещей, не находя им подходящего, как полагается в нормальных домах, единственно верного места. Заброшенный рабочий стол был зава-

лен бумагами, помятыми газетами с публикациями да дипломами малозначащих журналистских и писательских конкурсов. В одном углу комнаты лежали горы непрочитанных книг, в другом — не меньшие горы одежды, большую часть которой я давно не носил».

Картина пусть не вдохновляющая, но, как оказалось, честная.

— Не обращай внимания на беспорядок, — вскользь обронил он и, подобрав с журнального столика стопку одежды, небрежно забросил ее в платяной шкаф.

Его мать, надо сказать, не выглядела дружелюбной или гостеприимной. Нередко становился я свидетелем ее глубокомысленных вздохов, а однажды расслышал, как она прошептала Артуру сквозь зубы: «Что за привычка водить в дом собутыльников?»

С отцом, чаще всего отсутствовавшим, Артур, по его словам, практически не общался.

В его комнате, всюду, куда ни падал взгляд, были книги — они давно переросли предназначенный для них стеллаж и теперь не только занимали прикроватную тумбочку, но и были сложены на клубящемся пылью полу, на заваленном бумагами и папками столе. Были там преимущественно книги современных прозаиков, но также и тома по истории, религиоведению, даже поэтические сборники — современники, регулярно вещавшие пошлости из телевизора, перемежались с томиками Бодлера и Рембо. Среди всего этого беспорядка, в котором преобразователь мира умудрялся жить, я увидел статуэтку престижной литературной премии — главной моей юношеской мечты.

В углу комнаты — узкая подростковая кровать как один из признаков если не отчаяния, то серьезного беспорядка в жизни нашего героя, приближавшегося к порогу тридцатилетия.

— Не тесно тебе здесь?

— Совсем нет. Я в этой постели едва ли не с седьмого класса, — даже не заметив осторожной иронии, ответил Артур.

Становилось очевидно, что он и вправду жил другими — неясными ни мне, ни, похоже, ему самому страстями.

Увидев бронзовую статуэтку некогда желанной премии, я мгновенно вспомнил о том, как когда-то мечтал стать ее обладателем...

Да, еще до поступления на филфак я тоже пробовал писать и отчаянно рассылал свои творения по всем известным мне адресам, включая и премию «Старт», сулившую победителю не только солидную сумму призовых, но и некоторое подобие признания. Многие ее лауреаты, хотя в день вручения о них и написали ведущие СМИ, подобно Артуру, в лучшем случае так и оставались известны узкому кругу специалистов, но некоторые, надо признать, стали-таки настоящими писателями. Они регулярно издавали новые книги, а упоминание «Старта» на обложках постепенно сменялось лонг- и шорт-листами по-настоящему «взрослых» литературных премий. И тем не менее не признать ущербность подавляющего числа текстов современной литературы я, почти состоявшийся филолог, не мог. Артур же, на мой взгляд, по неясным для меня причинам не реализовал и десятой части потенциала, который он продемонстрировал в своей первой книге.

В какой-то момент он выдвинул один из ящиков своего стола — там в беспорядке лежали намертво переплетенные кабели для зарядки мобильных устройств, внешние жесткие диски для хранения данных, брелки и даже фотографии — кто на них был изображен, я не успел разглядеть — но среди этого хлама был предмет моего искреннего интереса — исписанные страницы. Если честно, в какой-то момент я испытал сомнение в самом факте их существования — редкие упоминания о новых текстах порой воспринимались как чистый блеф. Да и когда ему было писать?!

Часть страниц была исписана убористым почерком Артура, другая представляла собой распечатку текстов, набранных на компьютере.

— Сам я не справлюсь, — сказал Артур. — Идей слишком много, времени мало. — Хотя... — стал пояснять, будто бы оправдываясь, — ничем значительным вроде бы я не занимаюсь, но все же. Столько дел... Суета сует.

Съевшись от произнесенного, Артур протянул мне рукописи.

Литература, по его словам, требовала той степени отстраненности, которой он больше не мог ей дать. Признание это давалось ему не без труда — видно, он проделал определенный путь прежде, чем сознаться в очевидном.

— Я слишком увяз в окружающей чертовщине, — едва ли не смахнув слезу, сказал он.

Насколько Артур был вовлечен в текущую жизнь, настолько же я, по сути — исследователь, был от нее оторван. Мне вдруг показалось (о, это смелое допущение!), что мы с ним неплохо дополняли друг друга. Он был человеком действия, я же — сторонним наблюдателем, исследователем, так называемым книжным червем, сколь угодно смелым (в пределах допустимого наукой) в текстах, чаще всего отстраненно-безликих, и столь же зажатым в реальной жизни.

Целью всякого моего пока еще ученического исследования было — лишиться собственного «я», превратившись в обтекаемое «мы», раствориться без остатка в предмете моего интереса так, чтобы проанализировать и объяснить своим немногочисленным читателям из числа филологов те или иные мотивы творчества автора.

И хотя было очевидно, что моя роль в подобных делах вторична, теперь оказывалось, что без меня Артур рискует не состояться вовсе. Он уже давно был готов вновь раствориться в вареве окружающей жизни, пока я бы вновь и вновь не напоминал ему не только об его таланте, но и подлинном предназначении.

Все то время, что я имел возможность наблюдать за ним, писал он неохотно. По всему казалось, что сидение за ноутбуком словно отгораживало его от реального мира — осмысленного, динамичного и, главное, в отличие от литературного труда, экономически самодостаточного.

Тем не менее черновики, которые Артур предоставил мне, казались частью большого, пусть и довольно разрозненного, явно писавшегося от случая к случаю произведения. Я успел частично ознакомиться с ним по пути в свою комнату в университетском общежитии, которую каким-то чудом сохранил за собой даже после ухода в академический отпуск. Разместившись на нижней койке двухъярусной кровати, я к середине ночи окончил чтение. Тексты, пусть преимущественно сырые и разрозненные, имели какое-то магнетическое свойство.

Без меня они вряд ли имели хоть какой-то шанс дойти до читателя: Артур обладал слишком клиповым сознанием, не позволявшим сосредоточиться на чем-то одном. Заметки казались скорее человеческим документом, нежели полноценным литературным произведением. Артур не переживал по этому поводу и, готовый рискнуть жизнью в любую секунду, с радостью передал мне явно тяготившие его рукописи.

Его, признававшегося в фатализме, все чаще тянуло в зоны конфликтов. И хотя он вот уже несколько лет никуда, кроме морских курортов, не выезжал, Артур все чаще и все более вдумчиво говорил о бушующей Сирии, где бывал в спокойные времена.

— Журналистский взгляд — поверхностный, — сокрушался он. — Так называемое цивилизованное человечество — сирийская армия, российские силы, международная коалиция — не знает, с кем воюет. А если это просто неорганизованные группки тупоголовых садистов, какими нам их показывают, то почему они, черт бы их побрал, на протяжении стольких лет удерживают целые города? Что-то тут не сходится.

Эта тема все чаще возникала в наших разговорах. Хотя сама мысль о поездке в пекло сулила одни проблемы, мне нравилось, как он быстро вспыхивал заражающим интересом. Мало что могло его так взбудоражить.

— Я хочу жить с ними, хочу есть с ними из одной тарелки, я хочу слушать их разговоры, проникать в их сознание... Такой материал может что-то объяснить всем нам, ведь там сейчас глобальная точка сборки, ну, или глобальный же разлом — самое, без преувеличения, главное, что происходит в мире.

И хотя Артур пытался убедить себя (а заодно и меня), что решение принято, видно было, что он колеблется — главным его страхом, и об этом он когда-то писал, был страх глупой, бессмысленной смерти. Уверен, окажись он героем одной из многочисленных показных видеоказней, он бы пожалел не о том, что расстается с жизнью, а о том, в каких нелепых обстоятельствах это происходит.

* * *

Над текстами, переданными мне Артуром, следовало основательно подумать. Не имеющие четкого финала, обрывающиеся сюжетные линии, а вернее, дневниковые зарисовки казались сколь великолепными в своей обнаженной искренности, столь и уязвимыми. Образ главного героя, выступающего от первого лица, мог навредить не только развитию сюжета, но и личности самого автора.

Впервые в жизни я имел возможность не только исследовать уже имеющийся массив, но даже приложить руку к его непосредственному созданию.

Что мог предложить мне взамен филфак? Бородатая профессура обоих полов в пыльных одеждах делала вид, что занята самым важным делом на свете, а по сути, копошилась в мертвечине. Принимая решение об академическом отпуске, я на секунду представил себя через десяток-другой лет на месте нашего нынешнего декана, широко известного в очевидно узких кругах профессора. Щетка скуренных пожелтевших усов над верхней губой, мутный взгляд за толстыми стеклами очков. Да, он, как и его коллеги, был умен, в чем в чем, а в этом ему отказать было сложно, но, мысленно отдалившись от «здесь и сейчас», абстрагировавшись от корыстных мелкотравчатых интересов вроде диплома и стипендии, выход напрашивался сам собой.

Теперь я мог не только проводить исследования с чаще всего предсказуемыми выводами, а попытаться вдохнуть жизнь в совершенно новое произведение, которое казалось пусть несовершенным, но, как минимум, не уступало тем, которые я видел в премиальных списках и книжных магазинах.

Оставалось осторожно преподнести Артуру идею переплавки имеющихся заготовок в определенную форму. Впрочем, в том, что он согласится сбросить с плеч тяготивший его груз, я не сомневался. Ведь именно незаконченность литературных дел ограничивала его в дальнейших действиях. Обладая завидной способностью абстрагироваться от проблем, не пряча при этом головы в песок, он тем не менее бессознательно отдалялся и от литературных кругов, в которые когда-то был вхож, но, что гораздо важнее, — отдалялся он от самого себя.

* * *

— А где ты обедал все это время? — спросила Настя Артура. — Ну, до того, как мы познакомились.

— Там же, в столовой или в баре на седьмом этаже, — глядя на ее подрагивающие оголенные плечи, выступавшие на фоне столь же беспокойной Невы, ответил он.

— Не видела! Представляешь, Артурчик, выходит, ты не такой и яркий, а может, даже и неприметный, — сказала она задумчиво и продолжила: — Те, кто с тобой знаком, знают, что ты интересный, но многие проходят мимо, даже не замечая.

— Я и сам об этом задумывался, иначе как объяснить, что бабули в очередях меня в упор не видят и всячески пытаются обойти, — отшутился он.

Несколькими минутами ранее Артур вышел вслед за ней из Манежа Первого детского корпуса, что на Университетской набережной Санкт-Петербурга, и теперь искал подходящего момента, чтобы уговорить вернуться, — там, по системе «все включено», праздновался день рождения настоящего миллионера.

Настя стояла у кромки реки и задумчиво глядела на отблески фонарей в мутной воде.

— Пойдем же, — выдал он, постаравшись изобразить заботу, — околеешь.

— Оставь меня здесь на минутку, — ответила она неожиданно спокойно, — мне нужно побыть одной.

Дважды просить Артура было не нужно, и он с радостью удалился от взволнованной подруги.

Он медленно поднялся по гранитным ступеням и, вжав голову в плечи, осмотрелся. С той стороны дороги доносились звуки продолжавшегося веселья — там отдыхали одни из немногочисленных хозяев города, друзья главного его птенца, все четче обозначавшего себя властителем мира. Всего в нескольких десятках шагов от Артура находились множества полезных знакомств и тысячи возможностей, которыми он не умел правильно воспользоваться, хотя, надо сказать, переборов себя, и предпринял неловкую попытку.

Так, в момент взявшегося из ниоткуда внутреннего подъема, он склонился над ухом сына миллионера, родители которого устраивали ему судьбу артиста эстрады:

— Слушай, дружище, — положив руку ему на плечо, начал Артур, — извини, что отвлекаю от ужина, — в его тарелке, само собой, расположился сиба на пару, — но я просто хотел сказать, что ты стал для меня настоящим открытием этого фестиваля.

Конечно, Артур лукавил. Хореография свежее испеченного народного артиста составляла желать лучшего, а редкий вокал, наложенный на студийную фонограмму, выдавал в нем неопытного, чтобы не сказать, бездарного артиста. Впрочем, при определенном подходе для российской эстрады мог сгодиться и он.

Заглянув в его светлые глаза, наблюдавшие на протяжении всего своего существования лишь красоты мира, Артур добавил:

— Молодец, так держать!

— Спасибо тебе, — даже прикоснувшись к руке очередного поклонника, ответил он. — Это очень приятно.

Спешно бросив перед ним визитку компании, в которой Артур больше не работал и в которой сын именинника не мог увидеть ничего, что могло бы его заинтересовать, наш герой ретировался.

Артур вспоминал, что именно сюда пришел в свой первый приезд в Петербург, несколько лет назад, прошагав с рюкзаком с верхней полки плацкартного вагона в аудитории СПбГУ, отведенные для вступительных экзаменов. Он никогда не имел привычки готовиться к экзаменам и зачетам, в чем члены приемной комиссии смогли убедиться. Вспомнил, что тогда же, как иногородний, получил направление в общежитие в Петергофе, но на дорогу решил не тратить драгоценное время, найдя приют сперва в одном из городских хостелов, а потом и на знакомой полке плацкарта. В тот приезд он и влюбился в Северную Пальмиру, ставшую едва ли не чудом, доступным в режиме 24/7 на расстоянии всего ночи пути от столицы.

Примерно так же быстро, как и преподаватели, его раскусил пиарщик семьи миллионера — его звали Владимиром.

— Артур, согласишься, это выглядит архистранно, — сказал он, когда пересекся с Артуром в холле оплаченного боссом роскошного отеля, — вы с Анастасией приехали на мероприятие, но где же камера, о которой мы договаривались?

— Я не знаю, — насколько мог, честно ответил он, стараясь спрятать за спиной влажные плавки, в которых только что расслаблялся в сауне. — Настя должна была все урегулировать.

Сложив руки на груди, Владимир осуждающе оглядел Артура, но, тяжело вздохнув, решил дать ему еще один шанс. Не исключено, что от этого зависела его карьера.

— Ребята, боритесь со своими, пусть хотя бы завтра приедут, — сказал он и, повозившись с кожаной папкой, не удержался: — Мы приготовили настоящий сюрприз: завтра все участники фестиваля увидят на экранах Ледового дворца приветствие первого лица государства.

Владимир смотрел на Артура с ноткой торжественности, очевидно ожидая бурной реакции.

— Здорово! — вполне искренне обрадовался тот за участников и гостей фестиваля, и, прихватив из миски на кофейном столике ярко-зеленое яблоко, спешно двинулся в сторону лифтов.

Именно с подачи Владимира они с Настей и оказались на дне рождения — это был своего рода аванс за то, чтобы выложиться на завтра по максимуму, хотя в их случае заведомо некомпенсируемым авансом был не только роскошный ужин, но и сам проезд с проживанием. Само их с Настей появление на фестивале казалось нелепой ошибкой, которую тем не менее общими усилиями они обреченно пытались исправить. Артур точно знал, что камеры ни завтра, ни послезавтра — в день закрытия фестиваля — не будет — так решил Председатель. Именно так, с заглавной буквы, вопреки столь любимым им правилам русского языка, называлась его должность во внутренних документах их телерадиокомпании. Вообще говоря, Председатель был странным человеком — некогда начавший бомбилкой личного такси, теперь он — подтянутый и всеми своими порами источающий успех — оказался во главе крупной компании, чем не столько тяготился, сколько, похоже, самоотверженно пользовался.

От мыслей о прошлом и предстоящем Артура отвлекли всхлипы Насти, вдруг начавшие доноситься с набережной. Пожалуй, эти звуки были больше похожи на вздохи загнанной тягловой лошади, нежели на плач сибирской девушки, волею случая оказавшейся в его компании в промозглом весеннем Петербурге.

Мосты уже были разведены, и вернуться в гостиницу можно было лишь после трех ночи, когда бы их ненадолго свели вновь. Уйти, что называется, в закат он не мог и поэтому был вынужден вернуться к ней.

Настя держалась руками за гранит берегов, стоя у края воды.

— Бросайся, мать, к чему булки мять? — удивив самого себя, прогнусавил Артур.

От услышанного все ее тело содрогнулось, вытянулось, чтобы тут же неестественно сжаться, сделав ее похожей на юродивых, стыдливо просящих подавание у божьих храмов. Он мгновенно пожалел о сказанном и, подойдя вплотную, положил ладонь на показавшееся синим плечо.

Артур догадывался, что она хотела, чтобы они сейчас же слились в страстном поцелуе, оторвавшись от которого он мог бы с хрипотцой в голосе произнести: «Малыш, я так долго тебя искал, впереди нас ждет путешествие длиной в целую ночь, а то и жизнь». Но вместо этого Артур развернул ее и, взяв за руки, стал подталкивать к реке.

— Ну что, поплаваем? — угрожающим шепотом процедил он.

Откуда-то сверху послышались громкие звуки музыки — празднование дня рождения продолжалось, и кто знает, быть может, стоило туда вернуться — поближе ко все понимающему бармену.

— Отпусти! — испуганно бросила Настя.

Это хоть и прозвучало резко, но исходило не изо рта, а из глубины Настиного организма — из желудка, кишечника или, быть может, пяток, куда могла уйти в то мгновение ее душа.

Артур мерзко расхохотался, сделав еще один шаг. Тело ее изогнулось к реке — еще одно неловкое движение, и кто знает, не будет ли миллионер собственноручно откачивать пострадавшую гостью... Возможно, для Насти это могло бы стать одним из счастливых шансов, одной из возможностей, которые она, стараясь не потерять при этом лица, так отчаянно искала. Тяжела женская доля — многие юные покорительницы всяких столиц пытаются, словно потерявшие всякий инстинкт самосохранения каскадеры, удержаться на раскачивающемся из стороны в сторону над обрывом канате.

— Отпусти меня немедленно! — по ноткам бешенства, одолевшим в блеске ее глаз испуг, Артуру показалось, что она овладела собой.

— Прямо в воду? — на всякий случай уточнил он, но тем не менее притянул к себе и, отступив на шаг, выпустил из рук.

— Дурак! — почти беззвучно сказала она и по-настоящему разрыдалась.

Артур поднялся по массивным ступеням. Почувствовал, что почти новая обувь, надетая по случаю, до крови впивалась в ноги. Он, очевидно, приносил себя в жертву на празднике миллионера. Но для чего? Он был абсолютно трезв и, наверное, оттого немного печален.

«Представляешь, Артур, выходит, ты не такой уж яркий, неприметный даже», — вспомнил он недавние слова Насти.

«Маленький человек», — добавил от себя, сутулясь от пробиравшего до костей ветра, и неспешно пошел прочь. Казалось, что из-за его плеч выглядывали герои главных русских романов и одобрительно покачивали головами.

Артур брел прочь от Насти, громкой музыки, тысячи возможностей и бесконечного ряда воспоминаний, но на самом деле он просто хотел уйти от себя или хотя бы понять, в какой момент все пошло не так. Он бы никогда не поверил, что при всей реальной ли, надуманной ли успешности это чувство не знакомо каждому из тех, кто прочтет эти строки.

* * *

На следующий день Артур сидел за чашечкой американо в небольшой кофейне в начале Невского и поглядывал на то, как его телефон периодически исполнял однообразные вибротанцы, попеременно отображая на дисплее имена «Владимир» и «Настя». Первый беспокоил его куда сильнее.

Артур не знал, как ему справиться с ситуацией, и прикидывал варианты: спешно покинуть гостиницу, когда Владимир будет на фестивале, или, быть может, в качестве извинений за отсутствие на мероприятии камеры телекомпании, которую они с Настей представляли, обеспечить хотя бы пару печатных публикаций.

Он смотрел сквозь широкие окна на залитый солнцем проспект и не хотел думать ни о чем. Он в Петербурге, ура, он снова в Петербурге.

«Привет, я в городе», — отбросив тяготившие его мысли, написал он эсэмэс своему давнему приятелю Айдеру.

«Где ты сейчас?» — мгновенно пришел ответ.

Через полчаса Айдер сидел напротив.

— Ну что, ты тут закружился? — после крепких рукопожатий спросил он, оглядывая кафе.

— Да, счет оплатил. Ты что-нибудь хочешь?

— Нет, я сыт. Слушай, может, пойдем ко мне? Я живу в двух шагах — хочу узнать, как закончится матч.

— Без проблем! Времени у меня как у покойника.

Весело болтая о пустяках, они прошли к площади Восстания и свернули в одну из многочисленных подворотен. Преодолев несколько внутренних дворов, они оказались у входа в капеллу, зашли в одну из парадных, на первом этаже которой и располагалась небольшая студия Айдера.

Артур похвалил расположение берлоги друга, а Айдер, успевший разлечься с ноутбуком на низкой тахте, покрытой ковром с аляповатым восточным узором, задумчиво ответил:

— Очень удобно... Бывает, работаешь целый день, смотришь, зрители выходят из капеллы в антракте, незаметно к ним присоединяешься и заходишь — по второму кругу ведь билеты никто не проверяет.

Артур огляделся: небольшая кухня отделена от комнаты барной стойкой, на плите объемная кастрюля, а на пуфе у тахты куча вещей, из которых он, судя по всему, перед выходом доставал нужное.

— У меня тут небольшой беспорядок, — перехватил блуждавший по помещению взгляд, — холостяцкая берлога, сам понимаешь. Сейчас... Тут буквально двадцать минут осталось, скоро уже и второй тайм закончится.

— А вообще, это не моя квартира, — добавил Айдер, оторвав взгляд от ноутбука. — Она моего троюродного брата, он работает в Лондоне. Чтобы не пустовала, иногда здесь живу я.

— Повезло тебе с братом! Здорово иметь такую штаб-квартиру.

— Я всегда приезжаю в Петербург, когда пишу роман, — крупные формы почему-то лучше идут здесь. Рассказик или эссе какое-нибудь лучше пишется в Москве или в Саратове, а вот с романами лучше здесь.

Лиха беда начало — роман. Айдер уже набрал приличную скорость и, как принято в писательско-издательско-читательском деле, старался стабильно выдавать по книге в год. Ощутимых доходов, правда, судя по всему, это не приносило.

— Здесь и питание недорогое, сходим в столовую, я тебе покажу, — продолжал он расписывать преимущества жизни в Петербурге.

Айдер энергично почесал шею и, взъерошив русые волосы, обвел комнату взглядом, после чего вновь уставился на монитор.

— Кстати, ты голоден? Там в холодильнике пельмени, хочешь, брось их в кастрюлю. Пельменей отчего-то не хотелось, и Артур ответил:

— Да нет, спасибо, я же перекусил в кафе.

Когда матч наконец закончился («Эх, „казанцы“ опять проиграли»), друзья сели пить чай.

— Вообще, каково это, по-твоему, стать писателем? — задал Артур давно беспокоивший его вопрос. — Ведь в твоём случае вряд ли это произошло само по себе, наверняка был рубеж в судьбе...

Айдер отодвинул чашку от края тонкой барной стойки, в задумчивости прошелся по комнате, прилег на тахту и, подперев голову рукой, начал издали:

— Знаешь, а я ведь был другим человеком в своём городе. Можно сказать, перспективным. У меня был собственный бизнес — изготовление и установка пластиковых окон, серьезные для тех времен деньги. Машина, само собой, девочка тоже, сам понимаешь.

По вдруг изменившемуся взгляду Айдера было понятно, что, присутствуя здесь физически, сам он пустился на машине времени в обратный путь.

— Я мог пойти в любой ресторан, зайти в любое заведение: меня ведь все знали, все принимали, уважали. Потом я начал писать рассказ, другой, третий. А по-

том и вовсе решил зарабатывать этим на жизнь, устроился в местную газету, думал совмещать журналистику с литературой. Так и стало меня затягивать в эту воронку — как видишь, безвозвратно.

— А что с девушкой?

— С девушкой? — переспросил Айдер, будто пробудившись. — Ах да, я ее отпустил — судьба писательской жены в наше время печальна. Я благодарен ей за все, что между нами было. Надеюсь и она осталась хорошего обо мне мнения — ведь все это нельзя вспоминать без придыхания, настолько возвышенными были наши помыслы. Определенно это была настоящая первая любовь! И эти воспоминания, ощущение чистоты, какого-то полета, который с годами, кажется, невозможно пережить вновь, я тщательно храню в себе самом. Хотя, конечно, теперь я стал более циничным.

Айдер вновь вскочил и, подойдя к окну и сдвинув занавеску, посмотрел во внутренний дворик. Взъерошенные волосы, руки с темневшими овалами локтей, грустно опущенные лопатки-крылья — он определенно сильно устал.

Артуру захотелось обнять его и с чувством похлопать по спине, но вместо этого он зачем-то задал еще один вопрос:

— Слушай, а тебе никогда не хотелось вернуться назад, сделать упор на чем-нибудь другом, кроме литературы?

Артур все больше походил на интервьюера, готовящего материал для литературного издания, но не мог остановиться, в собеседнике он с сожалением узнавал себя через десяток-другой лет. Его, судя по всему, ожидала печальная участь.

Как бы в подтверждение этих мыслей Айдер усмехнулся и стал обстоятельно отвечать:

— Весь прикол в том, что ты ничего в этой жизни не выбираешь, особенно творчество, писательство. Это болезнь, которая с годами только прогрессирует, уничтожая на своем пути абсолютно все. Когда ты пишешь, ты счастлив, ты живешь по-настоящему, ты на своем месте, а когда перекладываешь бумажки в офисе, в установленный срок получая стабильные деньги, — я не осуждаю, но не по мне это, понимаешь, — то как ни крутись, но зря теряешь время! Я просто зеваю, я умираю от скуки! Слава Аллаху, что теперь мне не нужно ходить на службу — кое-какие средства для поддержания скромного существования я все-таки могу из этого дела извлекать.

— Но если бы у тебя была семья, вряд ли бы все было так просто, в любом случае пришлось бы где-то подрабатывать, те же колонки писать на злобу дня... — размышлял я вслух.

— В политике все так переменчиво, напишешь что-нибудь невольно и будешь выглядеть глупцом. По мне, так каждый должен заниматься своим делом. Вот получается у меня заниматься литературой — буду биться головой об эту стену, сколь глухой бы она порой ни казалась. Я своего рода смертник, у меня тоже одна дорога, один путь, одно зная.

Последнее признание, похоже, так взволновало Айдера, что он наконец отошел от окна и стал энергично мерить комнату шагами, хрустя суставами пальцев.

— Да-да, это мой путь, с которого я уже не сверну, — внезапно продолжил он на повышенных тонах, как если бы Артур вздумал с ним спорить, — пусть даже придется поголодать. Пойми, я будто бы несусь за рулем роскошного гоночного автомобиля и вижу прямо перед собой другую машину, которая летит мне навстречу и спит дальним. Вместо того чтобы притормозить или хотя бы вывернуть руль, я еще сильнее выжимаю педаль акселератора. В этом, согласись, есть свой кайф.

Снова остановившись у окна и сдвинув занавеску, Айдер опять выглянул на улицу.

— Погодка сегодня райская! Извини, что я только о себе да о себе. Расскажи лучше, как твои дела.

Вспомнив про Владимира, чьи звонки Артур продолжал игнорировать, он немного загрустил, ответив общими фразами:

— Да так, ничего, приехал на музыкальный фестиваль, может быть, слышал?

— Я стараюсь не обращать внимания на такие мероприятия, но, скорее всего, понимаю, о чем ты — они ведь весь город завесили своей рекламой!

— Могут себе позволить!

— Как твоя девушка, вы все еще вместе? — поинтересовался Айдер ни с того ни с сего.

— Лена? Да, конечно, который год уже пошел, все хорошо...

— Если бы я встретил такую, женился бы, — с улыбкой произнес он.

— А как же спорткар, несущийся на всех парах? — напомнил Артур другу. — Не каждая девушка согласится на такой экстрим.

Артуру почему-то стало интересно узнать, как там Настя, поехала ли она на очередной день фестиваля, чтобы выслушать все то, что хотел сказать ей Владимир, или же депрессует, запершись в номере, не снимая трубку городского телефона и затаившись, стараясь не реагировать на стук в дверь.

— Пойду помою руки, — сказал Артур.

Открыв воду в раковине и опустив крышку унитаза, он присел.

«Это больше чем сердце, это больше чем весь мир, это больше чем вечность — любовь без памяти», — звучала знакомая песня вместо гудков.

Наконец он услышал Настин голос:

— Да...

— Привет! Чем занимаешься?

— Вот думала как раз, чем бы заняться — устала в номере сидеть, когда за окнами Питер.

— На фестиваль, выходит, не поехала?

— А смысл?! Стати, у меня есть плохая новость для тебя.

— Владимир настучал на нас в офис?

— Да нет, успокойся... В смысле, пока еще нет, но когда я его встретила, он довольно жестко сказал, что мы должны освободить номера уже завтра плюс они аннулировали наши обратные билеты, так что мы сами должны будем оплатить проезд. Такие дела...

— Ну, хоть какое-то наказание, а то я уже и не знал куда деться от чувства вины.

— Ладно, прости, это все из-за меня... Зря я ему наобещала с три короба, — и после паузы: — Хотя кто знал, что эти черти примут такое решение. Умом нашу контролю не понять.

— Это точно. Ладно, скоро буду, выберемся куда-нибудь. Отбой.

— Жду, — томно прозвучало на том конце.

— Хотя нет, лучше выйди сама, погуляй, а потом пересечемся где-нибудь, — подытожил Артур и, прежде чем Настя успела что-нибудь возразить, сбросил вызов.

Он вспомнил, как приезжал сюда прошедшей зимой. Один. На автомобиле. Остановился в недорогой гостинице на Матисовом острове — месте необычном и показавшемся отчасти мистическим. Он снял номер с душем и рабочим столом, придвинутым к окну с видом на ялую Пряжку. Артур прекрасно помнил, как страдал за ноутбуком, водруженным на этот стол, мучаясь от творческого бессилия. Волосы взъерошены, глаза навывкате. Поздними вечерами он развлекался тем, что отъезжал на машине метров на триста от гостиницы и пытался заглянуть в окна психиатрической больницы имени Николая Чудотворца, где вроде бы принудительно лечился великий русский поэт по фамилии Бродский. Будто замороженный, рас-

сматривал он бледные тени страждущих за зарешеченными окнами верхних этажей здания. Кем они были? Как им жилось? Какими заботами маялись их души в те промозглые дни?

Ответов на свои вопросы он тогда не нашел, а вместо хотя бы десятка заполненных буквами страниц привез домой лежавшие с прошедшей осени, пожелтевшие листья с могил великих предшественников на так называемых Литераторских мостках. Он всегда был человеком одиноким и развлечения имел своеобразные.

— Артур, у тебя все в порядке? — вернул его к реальности осторожно постучавшийся в тонкую дверь Айдер.

— Да-да, — как можно спокойнее постарался ответить он. — Еще пара секунд.

Выключив воду в раковине, он отмотал немного туалетной бумаги и, приоткрыв крышку, забросил ее в унитаз, после чего смыл.

— Братан, спасибо за теплый прием, но я должен удалиться на некоторое время, — первым делом сказал Айдеру, выйдя из туалета.

Куда он заспешил? Что его ждало? Тысячи шагов и мысли о самом себе. Набережные и внутренние дворы, парадные и, возможно, квартиры, знакомцы и незнакомые. Начать, конечно, следовало с известной сети, торговавшей алкоголем, — там можно было заправиться «топливом», способным провести его сквозь любые обстоятельства. Он часто так делал, неизбежно включая в план экскурсии мини-бутылки вина, виски и, возможно, ликера, распиханные в карманы куртки.

Его ждал пульсирующий город, в котором, как говорили, сложно укрыться от дыхания великих. За каждым его поворотом, указывали пишущие коллеги, ты наткнешься на историческое место и, хочешь или нет, увидишь город сквозь призму чужой судьбы. Его интеллектуальная немощность была надежным щитом, и Артур находился здесь как не требующий особых привилегий завоеватель. Малообразованный варвар, нуждающийся лишь в мясе, крыше над головой и искренней любви, к которой, скорее всего, был не способен.

* * *

Зашторив окно, выходящее на опустевший к этому часу Литейный проспект, Артур лег в постель и попытался заснуть. Завтра ему нужно встать пораньше, чтобы успеть принять душ, собрать вещи и освободить номер к полудню.

Он лежал в абсолютной темноте и, кажется, слышал внутри себя мелкий дождь, дробно стучавший по ржавому ведру сердца. Еще он слышал ход секундной стрелки настенных часов, отчего-то усиливавших овладевшее им чувство опустошенности. Он уже перекатился за четверть века и в лучшем случае успел прожить треть жизни, а что имел за душой? Череда разочарований и глухая пустота — густой дым заволок грудную клетку, а жизнь походила на живую имитацию того, к чему когда-то стремился.

— К имитации подталкивают социальные сети, — произнес он, обращаясь к красной точке на выключенной плазме, — да-да, не спорь, именно так, ведь это они заставляют нас концентрироваться лишь на собственных успехах или приближении к ним. Не зря психологи, «стригущие» неплохие бабки за свой высокоинтеллектуальный бизнес, на каждом углу трубят о том, что наблюдение за лакированными жизнями друзей-френдов отрицательно сказывается на эмоциональном состоянии подопытных.

Чтобы немного успокоиться, он запустил одной из многочисленных подушек, выложенных на кровати на восточный манер, в угол комнаты. Подушка упала, с шумом захватив с собой что-то со стола. Он вскочил — это была настольная лампа, которой он ни разу не успел воспользоваться.

Подойдя к окну, Артур продолжил свои размышления:

— Несправедливость существующего положения вещей очевидна... — но из-за усталости, не найдя дельных аргументов, просто ударил кулаком о подоконник.

Сердце Артура забилося еще чаще, а звук секундной стрелки часов, казалось, мгновенно увеличился в несколько раз. Черт возьми, он рассуждал как классический неудачник!

Мгновенно обессилев, он упал на безразличный ковролин, которым был покрыт пол номера. Все немногочисленные звуки Вселенной, проникавшие в помещение, показались колыбельной, а вдруг навалившееся чувство усталости и саднящая тоска опустили на отяжелевшие веки. Так он и заснул.

* * *

В сирийский Хомс на рейсовом автобусе из Дамаска он прибыл в раскаленной сердцевине дня. Развернутый наизнанку город словно разломанный варваром переспелый гранат — остовы строений перемежаются с крупинками плода, подсохшей влагой кроваво-красного сока. От пустынного автовокзала взял такси до центра города. Заклеенное скотчем лобовое стекло, очевидно пропустившее сквозь себя несколько пуль, у самого таксиста рука в гипсе.

— Попал под обстрел, — почти со смехом отвечает он на очевидный вопрос и продолжает мчать: сто, сто двадцать, здесь сто пятьдесят — опасно.

— Пристегиваться, я так понимаю, не обязательно?! — шутит Артур, вглядываясь в проносящийся за окнами пейзаж.

Он, как почему-то все чаще в последнее время, вспомнил детство в Ашхабаде. Ему нравилось лежать на заднем диване отцовского BMW, когда они семьей ездили за город, и до тошноты смотреть на кроны деревьев за окном. А что если тогда кто-нибудь начал по ним стрелять?! Как будто отвечая на всякую тревожную мысль, Артур мог бросить взгляд на отца. Рука на подлокотнике, кисть на обшитом кожей руле. Изгиб плеча, переходящий в крепкую шею. Странно, но Артур видел и кусочек гладко выбритого подбородка. Все это вместе с музыкой Эннио Морриконе, которую, как правило, включал в машине отец, успокаивало. Ничего плохого с ними тогда не могло произойти, а если бы вдруг и случилось — папа, словно какой-нибудь супергерой, в два счета решил бы любую проблему.

Теперь же Артур был один, и с ним могло случиться что угодно.

Наконец они подъехали к памятнику первому президенту Сирии — этот памятник, по словам таксиста, был символом того, что полуразрушенный город все еще не пал под натиском сил сопротивления. Подъехали к штабу военных — дальше, сказал таксист, Артура могли провезти только они. Центральные кварталы города были заняты представителями различных террористических группировок. И хотя, несмотря на уже имеющиеся разрушения, внешне как будто бы ничего не происходило — было очевидно, что город в осаде.

Горы мусора вдоль дорог, клубы черного дыма, стремящиеся к небу, душераздирающий звук взрывов непонятно где.

Расплатившись и выйдя из автомобиля, Артур обратил внимание, что в пыльных кустах у дороги что-то шевелилось. Так, все в том же детстве, он находил милых ежиков, выползавших за провизией, или же мог рассмотреть пушистый рыжий хвост проворной белки, в два счета взбиравшейся на дерево повыше, стоило ему сделать шаг.

Стоявший на пороге штаба военный (позднее Артур узнал, что его звали Муханнад) недоверчиво осматривал незнакомца, приехавшего с небольшим туристическим

рюкзаком за плечами. В руках боец ожидаемо держал АК-47 с затертой деревянной перекладиной. Стоило Артуру сделать несколько шагов к обочине, как указательный палец Муханнада мгновенно переместился с рукоятки на курок. Свист летящего снаряда сменился грохотом — где-то поблизости словно бы нехотя воевали.

Отвечая на вопрос в его глазах, Артур указал на все еще шевелящиеся кусты. Бодрым шагом Муханнад подошел к нему. Одетый в спецовку цвета хаки, с нашивками сирийской армии на рукавах, берете и кожаных берцах, он выглядел более чем внушительно. Когда Муханнад поравнялся с Артуром, стало понятно, что он выше едва ли не на голову, а сам он был подтянутым и спортивным. Из штаба, по-видимому оборудованного камерами наружного наблюдения, высыпали солдаты, встревоженные очевидно нештатной ситуацией.

— Осторожно! — сказал Муханнад шепотом на арабском, который Артур когда-то изучал.

Он ткнул автоматом в кусты и нагнулся, чтобы разглядеть источник движений.

Оказалось, что там лежала едва живая собака. Глаза, полные ужаса, смешанного с предсмертным туманом. Но главное — это огромная дыра в половину собачьего тела. Там, среди внутренностей и запекшейся крови, разорванных вен и жил, копошились черви и мошки. Позади было поле, которое, похоже, пес и преодолел за ночь, чтобы в конце концов упасть без сил поближе к человеку.

Пес еле слышно заскулил. Артура вывернуло. Муханнад, по-видимому уже успевший за годы конфликта насмотреться многого, едва ли не с улыбкой подмигнул ему и, мгновенно передернув затвор, выстрелил собаке в голову.

Артура снова вывернуло, да так, что спазм болью отозвался во всем теле. Военные тихо посмеивались.

* * *

Наутро Артур с Настей отправились к камерам хранения Московского вокзала, чтобы сдать вещи. По пути Артур рассказал ей историю, некогда оставившую глубокий осадок в его душе. При этом он осознавал, что запомнилась она ему прежде всего из-за того, насколько положительным героем он в ней оказался или, быть может, просто казался.

Нестандартное празднование дня рождения знакомой в Битцевском парке. Пара гостей, совокупляющаяся в ближайших кустах, и шашлык, приготовленный из самого дешевого мяса, которое только удалось найти в районном «Ашане». Впрочем, союз любого мяса с огнем может заставить усиленно работать слюноотделение хищника. Но дело не в этом.

— Я встретил там девочку лет двенадцати, — говорил Артур, таща сумку-тележку по казавшемуся бесконечным Литейному, — она просто поразила меня своей сообразительностью, живым умом, реакцией, красотой, в конце концов. В общем, после этого знакомства я весь вечер был, в хорошем смысле слова, без остатка посвящен этому нежному существу.

— Ага, тут Артуру и понесло по волнам эротических фантазий, — прокомментировала Настя, смахнув со лба капельки пота.

— Давай обойдемся без пошлостей! — увлеченный воспоминаниями, резко перебил он. — Мы просто говорили, стоя под тенью деревьев, но что правда, то правда, я любовался ее гладкой кожей и облакаемым в маленькие детские слова на удивление зрелым взглядом на жизнь. В общем, я разговаривал с ней о семье, о школьных делах, любимых предметах и прочитанных книгах. Все сказанное (глупо не признать) врезалось в сердце, я стал ощущать нашу мистическую связь, родство душ, влечение, называй, как хочешь.

— Влечение-влечение, — буркнула Настя.

Окунувшись в приятные воспоминания, Артур не мог остановиться:

— Мы говорили без конца, и казалось, разговор наш не может быть исчерпан. Я, вроде бы ко всему привычный, был очарован ее девственной чистотой, сочившейся из каждой поры этого великолепного создания.

Запнувшись ненадолго, Артур поправил сумку и коротко посмотрел на витрину посудной лавки, мимо которой они проходили. Бесконечные ряды тарелок, кружек, блюдец и даже уверенная в себе пузатая супница с достоинством восседали на стеклянных полках. Взгляд зацепился за фарфоровую фигурку белого с рыжими пятнами грациозного котенка, игравшего с клубком бабушкиных ниток.

— В общем, мы отошли от основной группы приглашенных и стояли под одним из вековых деревьев. Помню даже структуру его коры, замороженный новым знакомством, я облокотился на него и даже стал осторожно поглаживать.

— Слушай, дорогая, — наконец выдал я, обращаясь к ребенку, — ты такая прекрасная, что вряд ли я смогу выразить это в словах, — и спустя многозначительную паузу: — Самое ценное, что сейчас у меня есть, — это цепочка, которую я ношу, удивись, с твоего возраста, с двенадцати лет. Мне ее подарили родители на день рождения, и она приносила мне удачу.

Невдалеке слышались гнусавые голоса подвыпивших и сытых гостей, Артур же тем временем пытался нащупать застежку висевшей на шее золотой цепочки. Наконец она поддалась, а затем сомкнулась на его собеседнице.

— Ты очень умная и по-настоящему живая девочка, я хочу, чтобы в дальнейшем эта вещь приносила удачу тебе.

Она выглядела смущенной.

— Что вы здесь делаете?! — сбивая придурковатую улыбку с его лица, спросила вдруг подскочившая мама девочки-подростка.

— Разговариваем, — коротко ответила она, успев спрятать золотую цепочку под футболку.

Ее мама, ровесница Артура, с подозрением на долю секунды уставилась на него, после чего разразилась тирадой о чистоте нравов.

Он смотрел в обезумевшие глаза мамыши, переживая лишь о том, как воспримет происходящее малышка. Как бы его персональные акции не упали в ее совсем недавно восхищенных глазах.

— Как ты мог? — не унималась мамаша, будто застав их не за простой беседой у дерева, а за чем-то запрещенным законом, и, как заведенная, повторяла: — Ей же всего двенадцать.

Артур стал плакать — странный микс страха и обиды за себя, а еще более грусти за неправильно складывавшееся знакомство охватил его, забив глотку до самого желудка, и не позволил вступить в обстоятельную дискуссию.

Его слезы, кажется, на мгновение обезоружили бешеную мамашу, на смену которой пришел ее супруг. Он, видимо уже крепко выпивший, сжал Артура в объятиях, приговаривая:

— Ну что ты, успокойся. Забей на нее, ну что ты.

Артура было уже не унять — как же она могла такое подумать? Он огляделся — девочки не было видно.

— Какая история, — наконец отозвалась Настя, заглядывая в окна одной из дорогих забегаловок. — Может, чаю попьем? Я совсем утомилась.

— Давай, — легко согласился Артур. Должен ведь он был хоть в чем-то с ней соглашаться.

— Мне было так грустно, — продолжил Артур, когда они оказались за столиком, — я переживал за малышку, как же она воспримет ситуацию и как поймут

ее родители, когда обнаружат золотую цепь, появившуюся на ее тонкой шейке, не будут ли бить за то, что приняла...

— Ну, все обошлось? — скучающим голосом уточнила Настя.

— Ага, — лаконично ответил он.

— А цепочка-то к тебе вернулась?

— Ну, почти...

Выпив чаю, они довольно быстро добрались до Московского вокзала. Купив билеты на вечерний поезд и расстав сумки по отсекам камеры хранения, снова вышли в город.

— До встречи вечером, — сказал Артур, махнув рукой.

Оказавшаяся готовой к такому повороту событий Настя с тяжелым вздохом, но наигранным равнодушием поинтересовалась его планами.

— Что будешь делать? Возьмешь велик, как хотел, покатаешься по своим местам?

Яркое полуденное солнце стояло в зените, облизывая лучами площадь перед вокзалом. Они медленно прошли мимо летнего пивного ларька, больше походившего на шатер Рамадана, и остановились у автоматической станции проката велосипедов.

— Да, попробую! — он бросил взгляд на инструкцию. — Хотя...

— Оплата только по карточке? У меня нет. Возьмешь и мне, Артурик, покатаемся?

Уже задумавший другой маршрут, он равнодушно бросил:

— По одной карте выдается один велосипед.

Артур любил путешествовать в одиночестве, дорожил своей тихой грустью. Если ты приехал с кем-то в новое место, а потом вдруг расстался на время, чувствуешь нечто вроде потери. Организм заточен на беседы — бесконечные пустые разговоры, и сам ты перепплавился в компромисс — готов ко всему, что предложат, особенно если предложения исходят от представительниц так называемого слабого пола. Особая прелесть в путешествиях в одиночку во вдумчивом созерцании. Не нужно никому объяснять, почему свернул сюда, а не туда, зачем остановился и надолго ли присел. Если посмотреть со стороны на одинокого путешественника, он загадочен и интересен, словно несет на себе печать некоей тайны. Кто знает, что заставило его в одиночестве сидеть посреди незнакомого города с бокалом чего-нибудь освежающего? Что он оставил за плечами — неподъемные долги; труп, закопанный на заднем дворе, или, напротив, счастливое семейство и нестыдный счет в банке, от которых решил отдохнуть?

Что касается Артура, то за его спиной было недавнее задержание сотрудниками одного из столичных ОВД, предшествовавшее ему задержание в отделении Сбербанка и разговор с big boss компании, из которой он решил уволиться после почти полутора лет работы.

Устраиваясь на службу, он и не подозревал о существовании Председателя, но потом, что называется, проникся. Поговорил пару раз, попросил разрешения писать эсэмэс по рабочим вопросам, спас от большой беды и, кажется, сильно утомил. Но, странное дело, Артур уже «подсел»: знал назубок его биографию, распорядок дня и что-то касающееся стиля жизни — любимые алкогольные напитки, писатели, основные вехи непростого пути рядового журналиста, вдруг ставшего руководителем крупной медиакомпаний. Наверное, подсознательно Артур видел в Председателе своего отца — первопроходца в деле, которому сам планировал посвятить жизнь. Единственное, чего Артур не понимал и что его разочаровывало, так это почему Председатель, будучи во всех смыслах человеком незаурядным, предпочитал окружать себя всякими мерзавцами, недостойными даже толики его внимания, а потом со сдержанной улыбкой годами терпеть их общество.

Артур вспомнил, как один из мерзавцев принес на еженедельную летучку фотографии нарушений сотрудниками приказа об организации рабочего пространства.

Штатный стукач, в свои неполные тридцать умудрившийся дослужиться до исполнительного директора компании с полуторатысячным штатом, бросил на стол пачку фотографий.

— Обнаружены нарушения в пользовании посудой вблизи компьютеров, несанкционированные наклейки на системных блоках и монтажных пультах.

Артур, присутствовавший на заседании, не мог поверить, что взрослые мужчины будут всерьез обсуждать, кто и где выпил чай, зачем прикрепил стикер. Признаться, в тот момент он предпочел бы провалиться сквозь землю. Боковым зрением он наблюдал за шефом, взявшим фото в руки. Артур рассчитывал, что Председатель бросит их на пол (так он обычно поступал с просмотренными наискось газетами) или заставит штатного стукача съесть часть из них, желательно стоя на коленях.

— Это в каком кабинете? — остановился он на одном из снимков.

Штатный стукач, насколько мог, вытянул шею, как бы уточняя, какое из многочисленных нарушений имелось в виду.

— Я, пожалуй, туда зайду сам, — весело произнес Председатель.

Он сказал это со смехом и, похоже, если не забудет в водовороте бесконечных дел, действительно собирался туда наведаться.

Сидевшие за столом привычно хихикнули в такт, а затем пустили пачку фотографий по кругу. Артур пропустил свою очередь, возможно, даже излишне демонстративно для его шаткого положения. Вряд ли это могло остаться незамеченным.

В какой-то момент Артур даже задумался: «А вдруг этот мап, показавшийся ему на время особенным, был всего лишь стандартным сгустком энергии, в котором нашлось место и для обыкновенной человеческой грязи?!» Идеалист, он не хотел в это верить.

Артур зашел к нему в последний день работы в компании. Председатель, как всегда, то ли изображал активную деятельность, то ли и вправду работал на износ.

— Можно к вам? — поинтересовался Артур и, не дождавшись приглашения, вошел в кабинет.

Председатель кивнул, но отчего-то смотрел мимо Артура. Днем ранее, не задавая лишних вопросов, он завизировал заявление об увольнении по собственному желанию.

— Я просто хотел поблагодарить за бесценный опыт, который получил, работая с вами, — сказал Артур, кажется, вполне искренне.

Председатель, очевидно тяготившийся затягивающейся сценой прощания, первым протянул руку, а когда Артур вложил в нее свою, сжал в крепком рукопожатии.

— Спасибо вам, — как-то нетерпеливо сказал Председатель.

Прием был окончен, но Артур не уходил, решившись задать интересовавший его вопрос:

— Скажите, могу ли я рассчитывать на ваши рекомендации, в случае если они потребуются?

— Конечно, почему бы и нет, — с облегчением ответил тот, видимо ожидавший вопроса посложнее.

Земля поплыла из-под ног Артура. Этот стол, телефон спецсвязи с гербом страны вместо диска набора, фотографии, неровно развешанные на стене за спиной высокого кожаного кресла, бутылки с водой, которую Председатель как приверженец здорового образа жизни постоянно пил.

Как у человека, одной ногой ступившего на тот свет, перед глазами поплыли образы и воспоминания — эпизоды трудовой биографии. В темную воронку, по видимому символизировавшую потерянное время, улетали написанные Артуром страницы пресс-релизов, сочиненные им газетные интервью, тысячи сделанных те-

лефонных звонков и отправленных имейлов, десятки бутылок вина и шампанского, выпитых по поводу и без на рабочем месте и этажом ниже — в ньюсруме.

Впереди ждал безграничный мир, свободные дни и ночи, где не должно быть места не только часам присутствия, но и дням недели. В кураже свободы могли раствориться и месяцы с годами, и он сам, но главное — чтобы находилось время на творчество, которым Артур все еще рассчитывал заниматься. В идеале неплохо бы иметь время для путешествий, ну, и на жизнь — подлинную, настоящую, — жизнь с большой буквы. Короче, он отвоевал и выкупил себя из плена обстоятельств и обязательств и мог хотя бы пару месяцев пожить для себя — отступные телерадиокомпаний могли позволить ему подобные фокусы. Во взрослой да к тому же самостоятельной жизни это было немало.

Начало новой яркой жизни, о которой грезил Артур, стартовавшей в Петербурге, получилось несколько скомканным.

— Ладно, я пошел, — решив отложить вопрос с велосипедом, сказал он Насте и, развернувшись, решительно двинулся прочь.

Какое-то время он чувствовал, что Настя продолжает смотреть ему вслед, но когда Артур, отойдя на полсотню метров, оглянулся, у велопроката никого не было.

Когда он немного прошелся по Невскому и, заглянув в Книжную лавку, где вместо искомой книги нашел по-настоящему нужную, она позвонила.

— Ты где? Мне нужно с тобой поговорить.

Голос ее прозвучал угрожающе серьезно — так, что Артур сразу понял, о чем она собиралась с ним говорить.

— Я вообще-то немного занят, — он постарался прозвучать как можно солиднее.

— Это не займет много времени. Где ты? Я сейчас подойду.

Он увидел ее у стеклянных дверей магазина едва ли не через пять минут.

— Говори, — коротко бросил, заглядывая в лица прохожих.

Отчего-то остро захотелось курить, но сигарет при себе не было.

В кедах она казалась ниже ростом и пристально смотрела на него снизу вверх. Смотрела так, как не смотрела никогда прежде. Артур обратил внимание, что нижняя ее губа нервически подрагивала, и сразу приготовился к худшему.

— Я понимаю, что у тебя нет времени, что тебе перед отъездом из Питера нужно успеть выбрать подарки родным, но мне нужно сказать тебе кое-что важное, — с места в карьер начала она.

Понимая, к чему идет дело, Артур попытался предостеречь:

— Я прошу тебя не говорить того, о чем ты можешь пожалеть в будущем.

Его замечание не остановило ее, а, напротив, придало ей сил, глаза вспыхнули переливающимся гляncем.

— Да, это так. Я тебя...

— Не надо этого, — решительно оборвал он.

Ее большие светлые глаза увлажнились, а обильно напудренное лицо казалось подсвеченным изнутри, напомнив о супнице в витрине посудной лавки.

— Ты сам все понимаешь, Артур... я... люблю тебя.

Недолго подумав, она решила добавить:

— Хочешь ты этого или нет, но это факт. Факт, с которым мне, именно мне, придется жить дальше.

Слова эти сотрясли пустой воздух — город качнулся, едва не расплескав содержимое, но, здраво оценив ситуацию, устоял.

Они еще некоторое время постояли молча. Настя опустила взгляд, рассматривая паутину трещин на асфальте. Мимо проходили десятки, а то и сотни людей — кто-то спешил по делам, кто-то, как и наши герои, праздно проводил время. По про-

спекту в двух направлениях двигались автомобили, и Артур подумал, что было бы интересно узнать, кто же едет в правильном.

Потом он зачем-то вспомнил о Михайловском замке, в котором нашел свою гибель самый необычный правитель Российской империи — Павел I. В этот свой приезд он не попал в выстроенный на прусский манер дворец с просторным внутренним двором. Ранее он видел в одном из залов замка табакерку, от удара которой в висок и погиб взбалмошный император.

— Ну все, я пойду, — шелкнув пальцами перед его носом, сказала внезапно осмелевшая Настя.

Конечно, она хотела, чтобы Артур ее остановил. Раз уж она влюблена, то, скорее всего, и цирк с приездом в Петербург устроила лишь ради того, чтобы побыть рядом с ним. Не думая ни об ответственности перед организаторами, ни о том, как она будет оправдываться перед Председателем, если вдруг это дойдет до его высокопоставленных ушей.

— Иди, — сказал Артур.

Единственное, что он испытывал по отношению к ней, была жалость. Хотя нет, жалости тоже не было, он просто хотел поскорее покончить с этим.

Странное дело — часто по-настоящему хорошим людям достаются пусть не уродливые, но некрасивые, неприятные тела. Рыхлые лица не могут выражать одухотворенности, а даже самые искренние признания воспринимаются не так, как могли бы. Случается, однако, и наоборот: обладательница падшей души оказывается упакована в великолепное тело. Эти мысли натолкнули Артура на воспоминание о другой Насте.

* * *

Не так давно, спустя едва ли не полтора года, они зачем-то вновь связались. На этот раз их общение даже отдаленно не походило на те, пусть немногочисленные, но страстные встречи, когда они, как безумные, могли уединиться в туалете третьесортной закусочной или же в подсобке книжного магазина, куда он однажды привел ее, чтобы подарить томик Бодлера, которого стал читать ей при встречах.

Пьяная, со счастливым блеском глаз за линзами очков, придававших ее тонкому личику особенное выражение, она, заразившись, читала по-французски бодлеровского «Ангела радости», сидя на прохладной серой лестнице первого попавшегося подъезда.

Перед Артуром красными вспышками на фоне неба, облаков, стремительно бежавшей речной воды, бок о бок с которой он жил десяток лет, вспыхивали строки этого стихотворения на русском.

Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?
Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь?
И ночью бледный страх... хоть раз когда-нибудь...
Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали?
Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?

Артур искренне любовался ею, восхищался, ревновал к изобилию, окружавшему ее, к каждому взгляду, исходившему не от него, к каждому звуку, произнесенному не им и вдруг достигавшему ее слуха. Артур в буквальном смысле слова обезумел. Пусть и недолго, но он был с ней по-настоящему счастлив. Переполненный, по сути, подростковыми эмоциями, он вновь стал писать стихи, а количество замечаний, созданных в телефоне за время их встреч, сложно было сосчитать.

Предчувствуя неизбежную разлуку, Артур тосковал, но не боялся делиться мучившими его мыслями. Так, прочитал ей полусутольное стихотворение, написанное по случаю — когда они в очередной раз нетвердой походкой прогуливались по центру города.

И порхать, как мотылек
Либо моль в твоём шкафу,
Чтоб упасть потом с тобой
На лету иль на весу.

Я хотел бы, чтобы рядом
Ты была со мной весь век.
Но, как кошечка иль ангел,
Ускользаешь ты навек.

Вдруг остановившись, она взглянула на него как-то по-особенному и одарила показавшейся волшебной улыбкой.

Все это время Артур откровенно лгал своей девушке Лене. То он задерживался на работе, то рано ложился спать. Всякий раз он находил новый повод, чтобы увидеться с Настей-малышкой. Это выглядело странно, но Артур, познакомившийся с Леной еще на первом курсе университета, относился к ней не как к девушке, а как к родственнице — сестре или матери. Расстаться с ней?! Об этом не могло быть и речи. Обман, хотя и тяготил Артура, был не такой сложной задачей, ведь они с Леной виделись редко, а чаще поддерживали свое ставшее странным (позднее он узнал о феномене зависимых отношений) общение посредством переписки.

Отношения же с Настей-малышкой он воспринимал как странную дружбу — интересную, живую, но вместе с тем безусловно конечную. Но всякий раз, настраиваясь сказать, что им нужно сократить общение, он срывался в чувство эйфории — здесь и сейчас он был счастлив. Почему? Хороший вопрос, он и сам им нередко задавался. Может быть, ему нравилось, как он отражался в ее глазах, а может, и то, что вообще нашел ее — еще маленькую и глупую, смог обратить на себя внимание, удерживать ее рядом.

Но все хорошее рано или поздно заканчивается. Он на время, в том числе из-за рабочих неурядиц, ушел в себя, а Настя-малышка постепенно стала появляться разве что для того, чтобы сообщить Артуру о проблемах со своим молодым человеком, о том, что наконец нашла в себе силы признаться, что больше его не любит, а может, и никогда не любила.

Молодой человек?! Здорово, конечно.

Когда она вновь написала ему подобные глупости, он ответил:

«Проходил на днях мимо грузинского кафе. Заказал сотку водки. Шла середина рабочего дня.

— Сока? — пытаюсь скрыть удивленное раздражение, предложил официант.

— Просто водки — я так хочу.

Я выпил две рюмки залпом, сидя у небольшого фонтана, с барражирующей в ней пластиковой уткой. Сделал глубокий вдох и попросил счет.

Прямо напротив кафе располагался Мосгорсуд — место, где судят террористов, самых отчаянных маньяков и опасных преступников, справа Богородское кладбище, в двух кварталах психиатрическая больница.

Я вспоминал о тебе».

«Немного больные ассоциации со мной, — не растерявшись, в свою очередь ответила Настя-малышка. — Хотя это даже приятно».

* * *

Все оставшееся до отправления поезда время Артур бродил по центру города, ни о чем толком не думая, лишь отмечая про себя знакомые места, куда выплывал из окутавшего его после Настинова признания в любви вымышленного черного дыма.

Ближе к полуночи он нашел себя курящим на перроне Московского вокзала. Скорый фирменный поезд с оригинальным названием «Смена — А. Бетанкур» уже был подан, но он не спешил занять свое место.

Дело в том, что именно у его вагона стоял сотрудник полиции, который совершенно очевидно всматривался в лица пассажиров. Глянув на Артура, он будто бы узнал кого-то и, еле заметно кивнув проводнице, зашел в вагон. Артуру тут же вспомнилось его задержание сотрудниками уголовного розыска, долгий, неприятный допрос с угрозами в одном из отделений полиции.

«Неужели?» — его сердце забилося чаще.

Наступив на скуренный почти до фильтра окурок, он предъявил билет и с напускной радостью поинтересовался у проводницы:

— А сотрудник поедет с нами?

— Я, честно говоря, не знаю. А почему вас это беспокоит? — с хитрым прищуром ответила она вопросом на вопрос.

— Нет, ну если поедет, хорошо, спокойнее будет, — стушевался он и ступил в тамбур.

В купе уже сидела Настя и оживленно беседовала с весьма миловидной попутчицей. Настя делала вид, что не замечает Артура, что его в сложившихся обстоятельствах, в общем-то, вполне устраивало. Забросив сумку в багажный отсек, он переоделся в пустовавшем соседнем купе, после чего лег на верхнюю полку, отвернулся к стене и попытался заснуть.

Полиция была здесь по его душу, думал он, когда поезд как-то излишне буднично тронулся, иначе почему они выбрали именно этот вагон, почему едут в одном из соседних купе. Артур вспомнил свое недавнее задержание и то, как он побежал.

— Стоять, стрелять буду! — крикнул один из них, в попытке пресечь его задумчивый невозможный побег.

— Это он? — долетела до него еще одна фраза и положительный ответ из уст третьего.

Сейчас и не вспомнишь, сам ли он решил остановиться, или служители правопорядка его настигли, вслед за чем, заботливо поддерживая под локти, предъявили удостоверения. В отдел они поехали на черной «ладе гранта» — руки Артур по их требованию должен был держать на торпедке. Наручники до поры надевать не стали, и на том спасибо.

Все это не могло не быть взаимосвязано. Непонятно было лишь то, зачем они решили затевать междугородную спецоперацию, вместо того чтобы тихо-мирно постучаться в двери столичной квартиры, где он постоянно проживал.

Артур написал отцу эсэмэс с просьбой, если он не занят, встретить его у вагона. Широко известный в узких кругах адвокат — он мог если не вызволить его из плена, то хотя бы оскандалить ситуацию до абсурда так, что полицаи сами рано или поздно должны удивиться своей затее. Артур, оказавшись в отделе полиции, звонил отцу, тот оказался за городом.

— Надолго, брат? — поинтересовался тогда у сильно расстроившегося Артура еще один задержанный, походивший на нелегального работягу-мигранта.

— Похоже, что на пару-тройку лет, — грустно улыбнувшись, ответил Артур.

Времена, когда они ездили на отцовском автомобиле по предместьям Ашхабада и Артур чувствовал себя словно за каменной, нет, пуленепробиваемой стеной, давно прошли. Мальчик вырос — где можно, поможем, но пора бы и самому научиться отвечать за свои поступки.

Отец, несмотря на сложившуюся в последнее время практику, непривычно быстро согласился его встретить. Артур с облегчением выдохнул, достал из рюкзака металлическую банку светлого пива и, чуть приподнявшись на подушке, сделал пару серьезных глотков. Если ничего не изменить, то нужно просто достойно принять чувствительный удар судьбы, думал он в тот момент. Тем более что человеку пишущему такой опыт может быть крайне полезен — в местах не столь отдаленных, как их называли, тебе предоставят и койко-место, и обед по расписанию, караван историй, судеб, поступков и много свободного времени которое за отсутствием достойных развлечений сложно потратить бездарно.

Допив пиво, он уложил банку в откидную сетчатую полку, прикрученную к стенке купе, и провалился в беспокойный сон.

Артуру приснилось, будто он, просыпаясь от жуткого шума под окнами квартиры, видит многополосную эстакаду проспекта Маршала Жукова в Москве... вроде разбился пассажирский самолет, хотя не видно ни обломков, ни пострадавших от невообразимого столкновения всего со всем. Есть лишь горы искалеченных трупов, в беспорядке лежащие на сыром асфальте. Старики, женщины, дети — в охватившем его ужасе Артур успел сфокусировать взгляд на нескольких десятках разбитых в кровь лицах. Он стоял у окна на кухне, уперев руки в пластиковый подоконник, и не мог поверить собственным глазам. Откуда ни возьмись на месте чрезвычайного происшествия появились пожарные расчеты, без промедления начавшие смывать мощнейшим напором воды тела к обочине.

Погибшие стали будто сдуваться, как шарики, после чего исчезли вовсе, как если бы были нарисованы мелом вконец обезумевшим художником.

Артур отошел, чтобы приготовить растворимый кофе со сливками, а когда вернулся к окну, увидел несколько групп родственников погибших, желавших знать, где именно лежали тела их близких. Подтянутая женщина в форменной одежде синего цвета деловито уточняла данные, которые тут же сверяла со списками в планшете, а затем указывала на конкретное место.

Родные погибших ложились на асфальт, поглаживая раскрытыми ладонями внутри рисунков из мела, и, бесшумно плача, что-то безостановочно причитали.

Артуру очень хотелось понять, что же на самом деле там происходило, и, спустившись, он назвал свою фамилию — мол, ишу родственника.

— ...? — повторила его фамилию женщина в форме.

Артур отметил, что у нее были очень красивые черты лица, светлые глаза и темные волосы — все, как он любил.

— Да.

Она сунула руку в карман брюк, и... он почувствовал сильный удар в ногу.

— Вставай, через пять минут прибываем, — сказала Настя невесело.

Артур провел ладонями по лицу, сполз на нижнюю полку, а потом, надев тряпичные кроссовки, успел умыться и даже выпить кофе из традиционного для поездов стаканчика в металлическом подстаканнике.

— Возьмешь мне чаю с лимоном? — подмигнув, попросила попутчица.

— Конечно, — и обращаясь к Насте: — Тебе взять?

Она предпочла не услышать вопроса и, фыркнув, вышла. Похоже, их отношения, как и поезд, подходили к конечной станции.

Сотрудники полиции, так взволновавшие Артура вечером, первыми покинули вагон. На этот раз пронесло. Он испытал истинное облегчение, увидев их удаляющиеся спины, хотя и старался выглядеть равнодушным.

* * *

Разбирая архивы Артура, я, с одной стороны, был допущен к документу эпохи — честным зарисовкам окружавшей нас реальности, с другой — не мог почувствовать себя их подлинным владельцем.

Возвращаясь с работы, которую я отыскал вместо аспирантской поденщины, я, придвигаясь к своей девушке, нехотя, а вернее, ничего не видя, просматривал телепрограммы. Она была редактором одного из многочисленных глянцевого журналов, периодически и сама писала статьи о том, как, например, построить отношения или, напротив, от них избавиться.

Мое увлечение Артуром и его творчеством она не то чтобы не поддерживала, скорее, просто не понимала.

— Зачем заниматься тем, что не приносит и не может принести плодов? Еще и аспирантуру из-за него бросил, — сокрушалась она, стоило мне заговорить об Артуре.

Ее сложно было назвать глупой, тем более в ситуации, когда она зарабатывала больше меня, но вместе с тем меня всегда расстраивала ее неспособность подняться над будничной суетой. Скажи я ей, что жизнь («О, да! Эти простые, в общем-то, идеи, почерпнутые из первой книги Артура») есть нечто большее, чем маршрут «работа-дом-работа», что мечтать можно не только о новых сапогах или летнем отдыхе на Лазурном берегу, уверен, все бы окончательно пошло прахом.

— В филологии тебя ждало блестящее будущее! Ты мог бы уже в недалеком будущем стать профессором, заниматься любимым делом, делая при этом карьеру...

— Я и сейчас им занимаюсь, — отзывался я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

И хотя я был спокойным человеком, однажды во время такого разговора ей все-таки удалось вывести меня из себя. Так, в порыве очередного яростного топтания на месте она возмутилась, мол, интересно, куда тебя заведет этот бездарный уголовник.

— Бездарный уголовник? — переспросил я и ненамеренно, словно рыба, выброшенная на берег, в возмущении открывал рот, пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха.

— Вот именно! Видела я его писанину — вообще не понимаю, чем тебя или кого-то еще это может привлекать!

Она говорила что-то еще, я уже не слышал, а смерив ее презрительным, нет, бешеным взглядом, выскочил из комнаты как ошпаренный. Еще немного, и наверняка я бы ее ударил — я, никогда в жизни не поднимавший руки на девушку, да и вообще избегавший конфликтов.

Любил ли я ее? Не знаю, наверное. Но после того разговора я вдруг почувствовал ее, несмотря на проведенные вместе годы, совершенно посторонним человеком, живущим своими понятиями и планами. С какого-то момента я перестал понимать, что мне с этим делать, и, как часто бывало в жизни, пустил ситуацию на самотек.

* * *

Немного сутулясь, Артур шел по Пушкинской набережной столичного Парка Горького. Музыка доносилась с деревянного настила у самой кромки реки. Одетый в светлые джинсы и приталенный пиджак голубого льна, накиннутый на аляповатую футболку, он остановился посмотреть на танцующих. Артур встал, облокотившись о каменный парапет, и переводил заинтересованный взгляд с одной пары на другую.

Вообще говоря, этот идеально сложенный парк всегда казался ему переполненным людьми — популярность стала неизбежной платой за правильную организацию пространства. Прогуливающиеся пешеходы, шумные велосипедисты и роллеры, мчащиеся по выделенной полосе, пары, двигающиеся в ритме гремющей музыки, бегуны и пляжники, пытающиеся забронзоветь под жадным московским солнцем, ярко-зеленые газоны, покачивающиеся деревья, белки, птицы, домашние питомцы на выгуле — все это сливалось в подвижный калейдоскоп, в котором каждый мог найти что-то для себя.

Успевший накануне мысленно надолго попрощаться со свободой, он специально приехал сюда, чтобы, что называется, полной грудью вдохнуть воздух свободы. Улыбка не сходила с его лица — простые человеческие радости казались настоящим даром небес.

Артур мог пойти, куда захочет, посидеть в тени или на солнце, выпить чай или просто воды, заговорить с кем-нибудь или молча смотреть на окружающую его действительность, которую он тоже мог легко выбрать.

Наблюдая мастер-класс по танцам, он заметил дородную, чтобы не сказать, полную женщину, в одиночку выполнявшую предлагавшиеся инструктором па. Руки ее были приподняты, как если бы их придерживал партнер, сама она исполняла женскую партию, вертясь, как полагается, и изгибаясь даже без необходимой в таких случаях поддержки.

Стильные молодые люди и девушки, преимущественно окружавшие ее, казались героями популярных фильмов о танцах, она же имела вид более приземленный — одинокая женщина, наверняка поставившая на ноги двоих, а то и троих детей и оставшаяся на старости лет с чувством вязкого одиночества и безлимитным тарифом на личное время.

Артур медленно спустился по каменным ступеням. Уставший ветерок, дувший от казавшейся маслянистой Москвы-реки, робко играл полами его пиджака, одновременно обдувая лицо сдержанным жаром.

Где он должен был быть на самом деле? Искать правду в конфликте в Сирии или, быть может, в соседней Украине, а то и вовсе в постоянно пульсирующем родном Кавказе? Вечная неудовлетворенность моментом и своим местом в событиях были в последние годы определяющими характеристиками его существования. Слова «обстоятельства», «ответственность» и «необходимость», кажется, проносились в его крови, с жутким грохотом притормаживая в районе висков. Все это, безусловно, вызывало чувство глубокой неудовлетворенности, ощущения упущенных или снова и снова упускаемых возможностей. Сама жизнь при таких условиях казалась тюремной камерой, из-за решеток которой все виделось каким-то безумным и бессмысленным спектаклем.

Тысячи возможных геолокаций, доступных действий сотни сценариев, в которых Артур отчего-то всегда играл исключительно второстепенные роли, угнетали его. Работа за мелкий прайс, называемый средней зарплатой, казалась глупой тратой времени, а достойных задач, где он мог бы приложить максимум своих усилий, все никак не находилось. Все казалось бредом сумасшедшего, которым, судя по всему, окружающая реальность в той или иной мере и была.

Артур был рожден если не преобразовывать мир, то хотя бы управлять им, но почему-то всякий раз оказывался у основания пирамиды из человеческих особей, где выше него были далеко не всегда впечатляющие личности. Мир был несправедлив, но смиряться с этим, в отличие от подавляющего большинства сверстников, Артур не спешил.

Нервной походкой он подошел к танцующей в одиночку женщине.

— Вы не против, если я приглашу вас на танец? — спросил он, улыбнувшись.

Незнакомая дама, молча кивнув, положила свою руку в его, а другую положила на плечо.

— Вы умеете танцевать? — спустя паузу с подозрением поинтересовалась она.

— Нет, но я был бы рад научиться, — честно ответил он.

Прямо сейчас где-то в глубине его души расцветал волшебный сад, в котором пели свои песни прекрасные птицы. Кажется, что под воздействием обстоятельств Артур на время смог убедить себя, что именно он и был центром мира — здесь и сейчас происходило самое главное, самое важное из ряда в миллионы, а то и миллиарды возможных комбинаций развития событий в человеческом измерении. Он мог бы быть где угодно, но был здесь, а значит, именно тут происходило основное и правильное, что могло быть в его жизни.

Артур двигался пусть неловко, но с полной самоотдачей. Ему вдруг показалось, что внутри него завелся, казавшийся проржавевшим насквозь, двигатель, который с благородным потрескиванием понес его в нужном направлении.

— А я начала жить совсем недавно, — призналась ему партнерша, — после того, как умер мой муж.

Кажется, высказанное обстоятельство ее веселило, и он, пребывающий в эйфории от этого дня, с улыбкой переспросил:

— Где же он успел так перебежать вам дорогу?

— Да, в общем, нигде, — выполняя очередное па, ответила она, — но после того, как он ушел, жизнь заиграла новыми красками, появилось много свободного времени, а вслед за этим и увлечений.

Тем временем инструктор предложил поменяться парами, к чему он, присмотревший девушку для знакомства, уже был готов.

— Ну что, иди, — словно мать, отпускающая своего отпрыска во взрослую жизнь, сказала партнерша, — ты ведь наверняка хочешь сменить пару, смотри, какие девчонки.

— Нет, что вы, — ответил он и, подмигнув, добавил: — Еще потанцуем!

Артура, похоже, заметила одна малознакомая девчонка, танцевавшая поодаль. Она то и дело бросала одновременно возмущенный и заинтересованный взгляд на их нестандартную пару.

Наконец заскучав, Артур захотел посмотреть на реку с моста, а может быть, и покататься на барражировавших в обоих направлениях теплоходах.

Вернувшись с деревянного настила танцевальной зоны на набережную, он еще немного прошелся, глядя на поблескивавшее течение реки. Два молчаливых рыбака как замороженные наблюдали за движениями поплавков. В белом пакетике, лежавшем у их ног, устало билась рыбешка.

Ему казалось, что всюду были пары: влюбленные и не очень, друзья, знакомые, приятели. Щемящее чувство одиночества, так знакомое еще со старших классов, когда он впервые начал вести дневник, вновь заполнило грудь.

Вот он был здесь — среди тысяч москвичей и, как принято говорить, гостей столицы, но в скоплении людей чувство одиночества отчего-то многократно усиливается. И вроде бы члены семьи, с которыми он, несмотря на внушительный возраст, проживал, были живы и здоровы, а Лена, с которой он вроде бы строил серьезные отношения, была с ним, несмотря ни на что, чего-то ему все-таки не хватало.

Первичное воодушевление и подъем внутренних сил быстро испарился, а вместо него пришли привычные чувства неудовлетворенности и опустошенности. Хотелось задвинуть занавески на окнах и, поворочавшись немного, провалиться в сон.

Он всю жизнь как будто бы готовился к чему-то — к некоему полному и безоговорочному триумфу, которого, похоже, не было в его судьбе. В процессе же этой самой подготовки у Артура порой опускались руки, будто бы и готовиться, по сути, было не к чему, а нужно было взамен жить здесь и сейчас.

Один давний знакомый Артура и герой его первой книги — Назир, пришедший к нему в офис телерадиокомпании, назвал свое состояние «интеллектуальным банкротством». Некогда яркий молодой оппозиционный политик, он подавал большие надежды. Ох, сколько их было — готовых не на словах, а на деле заняться серьезными преобразованиями общества. Несчастные, они никак не могли дожидаться момента, когда бы низы не хотели, а верхи не могли. Власти периодически подкручивали гайки, ужесточая законы и проводя показательные процессы, а низы... Им, казалось, было вообще все равно.

Большинство, как неоднократно отмечал для себя Артур, не способно даже мыслить глобальными категориями, так как не испытывает интеллектуального голода или тоски по отсутствию этих самых смыслов. Замкнутая на себе самой жизнь становится одновременно и главным вопросом, и главным же ответом, чаще всего лежащим в экономической плоскости.

Так вот Назир, поглаживая свою бороду, сказал:

— Я интеллектуальный банкрот. Мне больше нечего предложить миру.

В шкафу у входа висел его затертый плащ, они пили чай, а в голове Артура почему-то пульсировало это его «мне больше нечего предложить миру». Нечего. Предложить. Миру.

«Мне, похоже, тоже, брат», — по идее должен был бы ответить Артур. Но он продолжал играть роль большого начальника, сидя в занятом незадолго до этого кабинете межгосударственной телерадиокомпании, и демонстрировал успех, в который сам старался поверить и просто сказал: — Странно! Для очень многих ты ведь человек-легенда.

— Был, — глухо отозвался Назир.

Отсидевший полтора года на Бутырке по хулиганке, а на деле — по политике, он вышел, переполненный энергией и планами на будущее. Позднее, восстановившись на историческом факультете МГУ, защитил диплом и устроился учителем в одну из общеобразовательных школ.

Он рассказывал о том, как о его судимости посреди учебного года узнал нерасторопный директор. Пригласив Назира в кабинет, тот поставил перед ним ряд очевидных вопросов.

— Я кого-нибудь убил? — поинтересовался в свою очередь Назир. — Может, изнасиловал или ограбил?

Еще недавно буквально переполненный праведным гневом директор теперь стушевался.

— Ладно, вы хороший учитель, возвращайтесь на место, — вроде бы сказал он.

Позднее, рассказывал Назир, тот начал отслеживать даты политических митингов и демонстраций и старался направить его на конференцию, выездной семинар или куда еще, лишь бы он не оказался в жерле политических страстей.

— Я понимал, что он просто меня оберегает. Отношения у нас отличные, но я больше не могу, — говорил Назир, отхлебывая зеленый чай из одноразовой пластиковой чашки.

— Так странно! Преподавание всегда казалось мне неким убежищем загнанного в угол интеллигента, — отозвался Артур живо. — Кажется, что вот не сложится у тебя по каким-то причинам в большом мире — и уйдешь в учителя, охранники

детских садов. Там и свежая энергия — для вампиров это важно, новые лица, чистые души.

— Ага, видел бы ты некоторые из этих душ, — вынырнув из окутавшей его задумчивости, сказал Назир.

— А нимфетки... Кстати, ты встречаешь нимфеток? Ты ведь учитель старших классов, разве нет? Это же настоящая мечта, от которой ты почему-то готов вот так за просто отказаться!

— Нимфетки есть везде, — неопределенно ответил он и, подняв взгляд, добавил: — Тебе ли этого не знать?!

Артур смотрел на него — подтянутого человека, не понаслышке знающего, что такое опрятная бедность, и думал о себе самом. Кем он станет в тридцать с небольшим? Уже сейчас из-за сидячего образа жизни на его талии сам собой образовался «пояс шахида», как он шутливо его называл, — подкожный жир, который всего пару лет назад казался бы символом настоящего жизненного поражения. Зеркало ежедневно демонстрировало и его лицо, на котором, казалось, отразились все его пороки, главный из которых — пристрастие к алкоголю.

— Как ты держишь себя в такой прекрасной форме? — поинтересовался Артур, глядя на идеальную осанку Назира.

— Режим питания, ежедневная зарядка, ничего особенного, — улыбнувшись крепкими, глубоко посаженными зубами, ответил тот.

Он ведь был детдомовский, вспомнил Артур. Пару лет назад, когда они встретились в одном из кафе в центре столицы, Назир был увлечен идеей создания общественной организации, помогающей социализироваться приезжающим в крупные российские города кавказцам.

— Меня возмущает, когда говорят, что у нас на Кавказе не существует ни детских домов, ни домов престарелых! — вспыхивал он, сверкая глазами-угольками.

— А разве есть? — искренне удивлялся тогда Артур, придерживая под столом коленку Лены, своей девушки, с которой в те времена он виделся гораздо чаще нынешнего.

— Конечно! Я сам детдомовский, — в нашем селе не было школы, ездить далеко, — отдали туда, чтобы я мог получить образование.

— Так странно, — стараясь не спорить, отозвался Артур, — а почему было бы не отдать родственникам, ведь наверняка у вас были родственники — близкие ли, дальние ли. Я имею в виду, там, где ты учился.

Назир тогда отмахнулся от этого вопроса, он хотел провести митинг желательно на Пушкинской площади, где «все мы могли бы посмотреть друг другу в глаза, понять, что кавказцы не такие, как их часто рисуют в СМИ».

— Я хочу, чтобы общество поняло, что «стреляющие свадьбы» и танцующие лезгинку на Красной площади — единицы, исключения, лишь подтверждающие правило о том, что в большинстве своем наши земляки хорошо воспитанные люди.

— С этим и последующими митингами, основными участниками которых по задумке должны стать кавказцы, есть одна серьезная проблема, — тогда сказал ему Артур. — Кавказцы на митинги не ходят.

— Мы соберем кавказцев-пассионариев! — парировал Назир.

— Как бы кавказцы-обыватели не побили кавказцев-пассионариев! — сказала Лена, вызвав хохот Артура, который Назир благородно переждал.

Теперь он снова сидел перед Артуром — некогда идейный, но разругавшийся с партией, за которую сидел, все еще честный и, как часто случается с честными, неудачливый, одинокий. Еще недавно надевавшийся, что течение жизни обязательно вынесет его к чему-нибудь, чего он был на самом деле достоин, теперь он, казалось, уперся в глухую безмолвную стену.

Артур, находившийся, как ему тогда казалось, на взлетной полосе карьерного роста, постарался отмахнуться от просьбы Назира, — а он просил о работе. Такой, чтобы не сидеть в офисе, а выполнять ее удаленно. Очевидно, что Назира стала тяготить обязанность ежедневного присутствия на службе, да к тому же учительская нагрузка предполагала не молчаливую работу с документами, а постоянный контакт с десятками человек. Вероятно, от прущей из всех детских пор энергии можно быстро устать. Воля к знаниям, очаровательные гримасы и сценки из их жизни пусть и умиляли, но банальность заключается в том, человек ко всему быстро привыкает. Казавшееся свежим и интересным становится не только обыденным, но и надоевшим. Артур, сам быстро уставая от всего, что его окружало, прекрасно понимал настроение Назира. Но помочь ничем не мог.

— Знаешь, удаленной работы здесь практически не бывает, — деловито сложив руки, сказал Артур. — Круглосуточная редакция, сменный график. Если и дают что-то фрилансерам, то какую-нибудь мелочь, за которую почти не платят. Вряд ли тебя это устроит.

— И тем не менее, — настаивал Назир, — и тем не менее.

— Ты читаешь газеты? — спросил Артур, когда приятель наконец засобиравшись уходить, и, не дожидаясь ответа, вручил ему стопку утренней прессы, которую получал ежедневно и редко когда успевал даже распаковать.

Провожая его, Артур зачем-то решил показать интернет-редакцию — это всегда было эффектным ходом. Неважно, день был за окнами или ночь, за компьютерами сидели люди и вдумчиво набивали тексты. У человека, отвечавшего за деятельность этого отдела, получалось наладить видимость работы. Председателя это, однако, вполне устраивало, иначе как объяснить будущее переподчинение отдела Артура руководителю интернет-службы?!

— Вот посмотри сразу, — по-хозяйски, проведя рукой в приоткрытой двери, сказал Артур.

Назир робко осмотрелся. Этот ореол спрае, где каждый сотрудник выглядел безмолвным придатком к компьютеру, был именно тем, от чего он пытался убежать. Назиру нужно было одиночество и кое-какие средства, чтобы обеспечить себя самым необходимым. Артур совершенно точно был ему в этом не помощник: слишком пестрой была биография его приятеля, слишком шаткими позиции в компании самого Артура.

Проводив Назира, он собрал тряпичную сумку синего цвета и спустился в холл бизнес-центра, два этажа которого занимала телерадиокомпания. Сняв в стоявшем здесь же банкомате небольшую сумму, вышел на воздух. Еще один рабочий день, как две капли воды похожий на предыдущие и такой же бездарный, как и будущие, подошел к концу.

О, как здорово, должно быть, здесь работалось людям без наполеоновских амбиций! Выстроенная система давала возможность по-настоящему раствориться в толпе, работая над какими-то пустяками. При этом задержек зарплаты не возникало, а каждый квартал, если ты вовремя приходил на работу и покидал ее, ожидала еще и премия. Артур же, то ли в силу отсутствия жизненного опыта, то ли из-за скверности доставшегося ему характера, всерьез взялся за строительство карьеры. Человеческое, если и было в нем когда-то, медленно, но верно отступало на задний край, оставляя на арене лишь личный интерес, своеобразную игру, в которой пешка при определенной комбинации действий легко могла превратиться в ферзя. А там, того и гляди, заставить понервничать не только царское окружение, но и самого короля, доселе спокойно почивавшего на лаврах, под защитой тех, кто плотными рядами стоял вокруг.

Когда Артур только начинал приспосабливаться к этому буднично-офисному стилю жизни, спину ломило каждые полчаса, а душа начинала томиться и того раньше. Он выходил на улицу каждый обеденный перерыв и в первое время, не имея денег даже на обед, просто гулял, утешая себя тем, что в конце месяца, за привычные большинству горожан мучения, на карточку упадет приличная сумма. Не много, но и не мало, так, чтобы крутить свои дела: питаться, заливать все дорожавший бензин в автомобиль, которым он пользовался; хоть изредка, но выходить в свет: в кино, кафе, мультимедиамузей, к которому благодаря Насте-малышке, начинающему искусствоведа, он пристрастился. Теперь он мог проводить в офисе сутки напролет, не чувствуя необходимости выйти куда-то и пройтись, а когда ему после череды продуманных интриг удалось-таки сместить начальницу, изначально бравшую его на работу, и занять ее место, он стал терять интерес и к алкоголю, которым доселе регулярно заправлялся.

— Почему от тебя так странно пахнет? — как-то сказала Валентина Игоревна, его будущая экс-начальница, когда он однажды навис над ней, чтобы показать что-то на дисплее ее компьютера.

— Пахнет? — будто не расслышав, отозвался он.

В обеденный перерыв Артур выпил две банки пива, наблюдая за футбольным матчем учеников близлежащей школы. Удивительно, но учитель физкультуры, стоявший на воротах, знал ребят по именам и то и дело эмоционально выкрикивал: «Ваня, ну что же ты делаешь!» или «Куда ты бьешь, Саня, ну куда ты бьешь?!»

Артур по-хорошему позавидовал памяти учителя, он не запоминал и половины имен людей, с коими его сводила судьба. Бывают ведь такие необязательные знакомства, когда ты вроде поддерживаешь едва ли не ежедневное общение, чтобы не показаться некультурным, но даже под пытками не вспомнишь имени собеседника, а спрашивать снова как-то неудобно, хорошо же вроде общались. При этом и это самое неловкое, чаще всего собеседник обращался к Артуру по имени.

— Неумение запоминать имена означает, что тебе никогда не стать президентом, — во время прогулки как-то сказала ему наблюдательная Настя-малышка.

Артур был раздосадован, но не стал спорить. Это была пора многочисленных митингов оппозиции, и казалось, что президентом на все нараставшей волне протеста вот-вот может стать кто угодно — даже ты или я. Так вот, запросто выбыв из президентской гонки, Артур быстро потерял интерес к политике, думая, что неплохо было бы для начала довести до подходящего уровня самого себя, уже это было бы немало. Здоровье, фигура, финансы, может быть, даже семья... Да, он все чаще задумывался о создании семьи. При этом с одной стороны была его жизненная неустроенность — тотальная, безоговорочная и объективная даже для самого последнего романтика, с другой — взгляды на жизнь, не позволявшие строить далеко идущих планов.

— Ты снова пил?! — почти с материнской тревогой в голосе вернула его к реальности Валентина Игоревна.

— Это лекарства, — без зазрения совести соврал он, отступив на шаг и попытавшись тут же бросить привычку дышать.

— Я тебя накажу, — строго сказала она, — это уже второе предупреждение, ты ведь помнишь?! Третьего не будет.

Хотя предупреждение и прозвучало более чем грозно, Артур знал, что будет продолжать пить: выносить этот бредовый маскарад, в котором он участвовал в обмен на деньги, на трезвую голову, с серьезным лицом было невозможно. Оставалось маскировать аромат. К тому же Валентина Игоревна, будучи многодетной матерью, с особенным, почти материнским теплом относилась к нему. Он знал, что

даже если она поставит его в условный угол, все равно едва ли не тотчас, почувствовав боль в области сердца, пусть и укоряя себя за слабость, сдастся.

После спешного побега отца Артур жил с матерью и очень нуждался. Поэтому времени на эмоции и соблюдение лишних, как ему казалось, правил приличия не было.

Кроме того, его девушка Лена, уставшая ожидать логического развития их отношений, стала отдаляться. Артур, с одной стороны, гнал эти мысли от себя, с другой — отчаянно пытался склеить распадавшийся в его руках мир.

Так постепенно Артур и пришел к необходимости раскатать позиции Валентины Игоревны и, слегка навалившись, удивился, насколько шаткими они оказались. А что ему оставалось?! Годами протирать штаны в обмен на зарплату чуть выше среднего и с тоской глядеть на переворачивающийся, как во сне, календарь? Сложив частички пазла своей жизни, своего необъяснимого восторга перед Председателем и общей ситуации в коллективе, он решил попробовать. Когда, если не сейчас, ведь тебе нет еще и тридцати?! Психологи в один голос твердят, что это возраст, когда люди закладывают фундамент своей будущей жизни, и от того, насколько прочным он окажется, во многом зависит устойчивость всей постройки. Ожидать, что кто-то сам уступит тебе свое место или же начальник, приметив твою исполнительность, придумает что-то для твоего карьерного роста, не приходилось. Фильмы о том, как вчерашние выпускники вузов двигаются по разного рода лестницам, а порою сразу же входят в лифты, были сущей фантастикой, не имевшей, по наблюдениям Артура, никакого отношения к жизни. Чем молчаливее, глупее, незаметнее ты, тем тверже земля под ногами.

И тем не менее кресло под Валентиной Игоревной закачалось, стены и без того небольшого дурацкого треугольного кабинета сжались, будто пружина, которая, распрямившись, должна была выкинуть ее за двери билдинга. Артур стал качать качели активнее и веселее, а это была сложная психологическая игра, которой он, будучи увлекающейся натурой, отдавался без остатка.

Артур по-настоящему грезил днем, когда кабинет опустеет, а он, молодой, в общем-то, человек, займет высокое кресло и сможет без зазрения совести сказать девчонкам из своего, да-да, отныне своего отдела:

— Давайте выпьем чаю, — и они, сшибая друг друга на пути к электрочайнику, без промедления его бы наливали.

В накале карьерных страстей казалось, что Артур даже позабыл, для чего он все вообще затевал. Он не мечтал более ни о звездах, ни о своей будущей совместной жизни с Леней, ни о деньгах и славе — забросил литературное творчество и другие настоящие интересы; весь он стал слух, хитрость и ожидание.

Мать троих детей, увлеченная делами семьи, Валентина Игоревна не могла соревноваться с ним в новых условиях — качка в море отдела усиливалась с каждым днем. Не замечать это становилось невозможно: слух о скорой отставке быстро распространился по компании, и теперь едва ли не всякий, кто участвовал в совещаниях по текущим проектам отдела Артура, был задумчив и то и дело улыбался.

Совершенно позабыв о его проступках и вынесенных предупреждениях, Валентина Игоревна, смахивая скупую слезу, как-то закрылась с Артуром в кабинете. Впервые на его памяти она опустила горизонтальные жалюзи, установленные на стеклянной перегородке между ее и соседним кабинетом, — очевидно, разговор предстоял серьезный.

— Ты, наверное, знаешь общую ситуацию, — начала она вкрадчивым голосом, вытирая бумажной салфеткой все прибывавшие слезы, — мне нужно понять, на чьей ты стороне, могу ли я на тебя положиться?

Артур с удивлением обнаружил, что ничего не почувствовал. Перед ним плакала женщина, которую он должен был бы, как мог, успокоить и поддержать. Или, как представитель ее вида — человек, хотя бы посочувствовать. И как он ни пытался отыскать в себе хоть что-то — хоть какую-нибудь мысль, за которую мог бы зацепиться и так размотать свое человеческое начало, — у него ничего не вышло. Это открытие некогда, по мнению окружающих, даже излишне искреннего человека по-настоящему поразило его. Он поймал себя на мысли, что слезы Валентины Игоревны — верный предвестник его будущей победы. А победителей, как утверждали умные люди, не судят.

Искренне переживая из-за (назовем вещи своими именами) предстоящей подлости, он все-таки собрался и стал отвечать, как ему казалось, театрально.

— Мне постоянно поступают различные предложения по развитию событий в нашем отделе, но я не могу действовать против вас... Причины, думаю, объяснять не нужно — именно вы когда-то приняли меня на работу, несмотря на обилие других кандидатур.

Артур замолчал и, как будто немного задумавшись, решил предложить ей своеобразную сделку.

— Не знаю, подходящее ли сейчас время... Но я тоже давно хотел сказать, что и мне нужна ваша поддержка.

Валентина Игоревна подняла на него глаза. Они, раскрасневшиеся и еще подернутые плотной подрагивающей, словно желе, пеленой слез, говорили о том, что она сейчас была готова сделать для него все что угодно.

«Сынок, проси о чем хочешь, — как будто бы кричала она с надрывом, — я живу для тебя, и главное, чтобы ты был счастлив!»

Конечно, Артура заносило на поворотах, и вряд ли он истолковал этот взгляд верно.

— Дело в том, что все увеличивающиеся расходы не дают мне возможности сосредоточиться на происходящем. Я живу вместе с мамой, — Артур очевидно мог найти подход к каждому человеку, — у нас сложная жизненная ситуация... Так вот, не могли бы вы хотя бы немного повысить мне зарплату?

Да, он натурально предлагал ей сделку и, будьте уверены, беспрекословно выполнил бы ее условия — так он внутренне решил.

— Артур, тебе не говорили, что деньги кланчить нехорошо? — сказала Валентина Игоревна, совершенно неожиданно расплывшаяся в улыбке Чеширского Кота.

Артур по-настоящему опешил. Явственно показалась, что играл тут не он один.

Она знала, что только Артур может ее спасти, но отчего-то отнеслась к его просьбе несерьезно. Заигравшаяся в дочки-матери, Валентина Игоревна, по-видимому, представила, что он просит у «мамочки» лишний жетон на игровые автоматы.

Раскрученный маховик кадровых перестановок было не остановить. Меньше чем через месяц Валентина Игоревна узнала, что контракт с ней не продлен и что ей следует покинуть офис в тот же день, передав все дела и имущество отдела (кто бы мог подумать?) Артуру. Все еще неспособная не только принять, но и осознать случившееся, она рыдала, уже не сдерживая себя.

Артуру было поручено помочь ей с коробками и, будто дикарю, вырывающему сердце поверженного врага, забрать пропуск на объект.

— Почему тебе не сидится на месте? — интересовалась мать, когда Артур рассказывал ей о произошедшем. — Никто же тебя не трогал, а деньги капали — теперь будет непонятно, что к чему.

— А как быть? — отвечал Артур вопросом. — Сидеть просто так? Валентина Игоревна не давала реализовывать проекты, да к тому же офисная жизнь — это борьба за полномочия, бюджеты, возможности. Я поборолся, и, надо же, что-то получилось.

— Еще ничего толком не известно — не радуйся раньше времени, — покачивая головой, говорила мама, — возможно, ты просто нажил себе лишние проблемы. Так, что бы ни случилось, крайней была она, а твоя хата, как говорится, с краю, а теперь за все будешь отвечать сам.

— Я готов! — самонадеянно утверждал он. — Когда ты работаешь как единица команды — хорошая идея или яркое достижение размывается между всеми участниками коллектива, а неудачи сбрасываются на твои плечи. Теперь же можно будет тянуть одеяло на себя!

— Ну, хорошо, что ты рад. Главное — будь осторожен, Артур. Что-то мне это не нравится.

Мама сидела в привычной позе в кожаном кресле в гостиной, подогнув ноги. В одной руке был пульт от цифрового приемника, кулак другой подпирал подбородок. Она не смотрела на сына, и, казалось, беседа проходит для нее в автономном режиме.

«Да что она может знать, — не найдя восхищенной поддержки, думал он, — с другой стороны, интуиция редко ее подводит. Не лезь, не делай, не получится, не стоит — в жизни вообще часто что-то не выходит или выходит не так, как хотелось, но дела, в обсуждении которых мама спорила наиболее отчаянно, не складывались чисто статистически».

Она была странным человеком, ее lifestyle удивилась бы редакция любого модного издания. Поразительно экономная даже в лучшие для семьи годы, она, покупая кастрюлю или сковородку, к примеру, не брала к ним крышек. Еще она буквально уничтожала одежду, выставляя на панели управления стиральной машины максимальную температуру. Лейблы и рекомендации по уходу ей были нипочем — принты и интересные цвета вываривались в кипящей воде, превращавшей их в невнятную тряпичную кашу.

— На тридцати градусах ничего не продезинфицируется, — говорила она после очередного промаха.

— Мам, ну пойми, мне не нужно ничего дезинфицировать, я надеваю каждый предмет одежды не чаще одного раза — их нужно просто сполоснуть, — возмущался Артур.

— Черные воротники на рубашках так не отмыть! — не сдавалась она.

— Но у меня нет черных воротников! Не бывает, я же не в поле работаю.

Она на протяжении целого дня могла утомлять себя мыслями о предстоящей уборке, а когда солнце начинало заходить, привычно начинала причитать, что эту квартиру невозможно убрать, что все в ней сделано не так, как ей бы хотелось.

— Здесь вопрос не в том, как сделано, а в размерах — это просто большая квартира, и, как бы ее ни сделали, убраться в ней в одиночку да за один присест объективно непросто, — как правило, нудно отзывался Артур, но попытка переубедить ее в чем бы то ни было всякий раз оказывалась слишком амбициозной задачей.

— Это все твой отец, который никого не слушает, а делает, как сам захочет. Сколько раз я ему говорила: мне не подходит эта кухня, давай выберем вместе! Нет, притащил, как будто ему на ней торчать, — в очередной раз повторяла она давно заведенную и, казалось, даже ей надоевшую шарманку.

Понятно, что отцу, знавшему об особенностях ее характера, стоило предвидеть возможное развитие событий и быть более предусмотрительным, выбрав кухню, которая удовлетворяла бы именно ее потребностям, но в этих разговорах Артур нехотя, но все же вступался за него:

— Не представляю, что бы ты сказала, окажись на стандартной кухне, где ни развернуться, ни присесть.

Когда аргументы наконец иссякали, мама обычно попросту небрежно отмахивалась от Артура, иногда молча, а иногда и сдобрив жест парой, что называется, ласковых:

— Заткнись ты уже! Тоже мне умник нашелся!

Вообще говоря, слово «умник», несмотря на первоначальное значение слова, было ее любимым ругательством, кстати, как и «козел», которое она нередко использовала для обозначения не только отдельных особей, но мужского населения планеты в целом.

Другой характерной особенностью ее жизни были постоянные эксперименты с цветом волос — она меняла его на пару тонов, а потом, увидев кого-нибудь по телевизору, задавала привычный вопрос:

— Похож цвет ее волос на мой?

В случаях, когда цвет волос дамы в телевизоре и мамин не совпадали радикально, Артур искренне разводил руками:

— Неужели ты не видишь себя в зеркале? Это же абсолютно разные цвета!

Как-то раз, оказавшись у закрытых дверей квартиры, он непроизвольно стал вспоминать десятки, а то и сотни ее безобидных причуд.

В тот вечер не помогал ни больше похожий на избиение стук в дверь, ни непрекращающиеся звонки в домофон, ни то, что он параллельно обрывал домашний и мобильный телефоны. Взволнованный, он мог бы разбудить и покойника, но тут сам был готов лезть на стенку. Безостановочный поток вспышек памяти рисовал сценки из прошлого — хорошие и грустные моменты семейной жизни. Все они, обрамленные рамками пушистого тумана, резко врезались в сознание, после чего вновь стекали в воронку безвестности.

Среднеазиатская столица — Ашхабад — город любви, где они жили в детстве Артура — безумные танцы родителей в домике у дороги. Мамины слезы уже здесь, в Москве, когда тайное вдруг стало явным. Вообще, она была крайне старомодна — не хотела и не могла жить для себя, отдаваясь служению близким. Такие женщины, говорят, стоят за спинами успешных мужчин: тихие, надежные, сильные. Но и они же, твердо стоящие на земле, могут подрезать крылья: мол, рожденный ползать летать не может — ползи, куда же ты лезешь.

Артур спустился на лифте вниз и, пройдя просторный подъезд, вышел на улицу. Вечерняя прохлада и свет невысоких фонарей отчего-то показались фальшивыми. Весь мир превратился в огромную декорацию, единственным настоящим и вместе с тем затемненным пятном в которой было пространство за дверью их квартиры.

Сплюнув под ноги, Артур медленно добрел до скамейки под вытянутыми пальцами плакучей ивы и со стариковским вздохом уселся. На глазах выступили слезы — он был виноват перед ней. Ладно он, но насколько же был виноват перед ней отец — как же тяжело ему теперь придется жить с таким грузом на плечах.

Из-за гаражей появилась удивленная мордочка белого пса, а за ним, будто привязанная к поводку, а не наоборот, девушка, в которой он узнал соседку.

— Добрый вечер! — сказала она с улыбкой, в то время как пес старательно обнюхивал потасканные ботинки Артура.

— Он ведь не кусается? — уточнил Артур, как будто кто-то из хозяев собак может признаться, мол, да, покусывает иногда незнакомцев.

— Это не он, а она — Спайси! И да, она не кусается, — хихикнула в ответ соседка.

Артур вспомнил, что как-то, сильно поддатым, знакомился с ней, но имени ее, в силу известных особенностей, даже и не пытался вспомнить.

— Вы, кажется, невеселый? — поинтересовалась она, наконец разглядев побледневшее лицо Артура.

— А чему радоваться? Мама должна быть дома, но дверь не открывает, — с удивившей даже его открытостью поспешил пояснить он.

— Может быть, она спит? — предположила безымянная соседка.

— Вряд ли. Спит она всегда чутко, давно должна была проснуться от стука в дверь.

Видимо, тон, которым была произнесена фраза, показался собеседнице грубоватым, и она поспешила откланяться. А может быть, просто не хотела вникать в чужие, неинтересные и мало что значившие в ее собственной жизни проблемы.

— Желая тебе все-таки попасть домой! — сказала она, придерживая натянувшийся поводок. — Ну, а если совсем глухо, можешь у нас пересидеть.

Артура тронула ее забота — немного тепла, вдруг появившегося посреди айсберга жизни, и, встав со скамейки, он коротко обнял ее, по-товарищески похлопав по спине.

— Спасибо тебе, — сказал он еле слышно.

Белый пес между тем взволнованно и заинтересованно прыгал на задних лапах.

Он вновь поднялся на свой этаж. Скорее от отчаяния, чем по делу, нажал на кнопку дверного звонка, думая о том, что первым делом нужно будет вызвать участкового и представителей МЧС, которые вскроют дверь, а уж затем озаботиться приглашением медиков и представителей остальных служб.

К огромному удивлению Артура, с той стороны двери кто-то провернул замок и дернул за ручку.

У мамы, одетой в домашнее платье, на голове был тюрбан из аляповатого махрового полотенца. Сперва он показался Артуру нимбом, а все происходившее волшебным сновидением, но почти мгновенно тоска и грусть переплавились в агрессию. Боль вымышленной утраты сменилась подлинной яростью.

— Ну, ты будешь заходить? — спросила она, уперев, как обычно, руки в бока.

Если бы Артур мог упасть в обморок, он бы не задумываясь сделал это, но тут нервное перенапряжение вылилось в банальное хамство. Единственным, что он смог выговорить, стало недопустимое по отношению к матери:

— Ты что, дура?!

От неожиданного для обоих вопроса она еле заметно качнулась назад, но устояла, ухватившись за стенку платяного шкафа.

* * *

На первом совещании топ-менеджмента компании, в котором Артур принял участие в новом качестве, один из заместителей Председателя поинтересовался у главного режиссера:

— А где Валентина Игоревна?!

— Отмучилась старушка, — ответил тот, разведя руками.

Когда очередь выступить с докладом дошла до него, Артур был собран и краток. Высоколобый Председатель, все еще присматривавшийся к нему, делал вид, что в упор его не видит, и подписывал нескончаемую стопку документов. Все сидевшие за столом были друг другу своими: знакомы много лет, как это обычно и бывает, ели-пили вместе, праздновали дни рождения и семейные праздники. Артур, ворвавшийся в эту компанию, чувствовал себя чужаком, волком в овечьей шкуре, желавшим с молчаливого согласия пастуха утащить довольно крупную, даже по меркам этой компании, добычу. Он готовил себя к дальнейшей корпоративной мясорубке, в которую довольно скоро и попал.

Умеющие ловить малейшие изменения в настроении Председателя, хохоча в нужных местах и с возмущением воздевая глаза к небу в обстоятельствах, когда

он высказывал неодобрение, не могли не заметить пренебрежительно-молчаливого отношения Председателя к докладу Артура.

«Можно гасить», — наверняка подумал режиссер, прозванный коллегой Творческим Импотентом.

Множество зубодробительных совещаний, на которые Артура стали приглашать, не давали сосредоточиться на решении уже сформулированных задач, а запросы от всех подразделений стали сыпаться на его голову так, будто все только что узнали о существовании отдела, который он так по-варварски возглавил.

Все вокруг, как часто случается, предстало совсем в ином свете, чем Артур себе представлял изначально. Времени пить чай, который ему бы заваривали подчиненные, не находилось. Алкогольные посиделки отпали сами собой. Вместо этого он стал проводить на работе больше двенадцати часов ежедневно и все равно мало что успевал. Кольцо начинало сжиматься, а приказ о его назначении на должность все никак не выходил. Он оставался в подвешенном состоянии исполняющего обязанности — «и. о.» — клоуна, временно заменяющего артиста основного состава.

Штатный стукач в должности исполнительного директора взялся за него особенно энергично. Запросив через бухгалтерию все документы службы за прошедший год, он нашел ошибку в договоре с одним из десятков контрагентов. Готовилась масштабная провокация, на которую Артур, к его счастью, успел вовремя среагировать.

Приехав в офис в воскресенье, он не поленился и составил почти тридцатистраничную информационную справку с десятками приложений, в которой разъяснил ситуацию по договору и, как мог, вывел себя из-под удара. В понедельник с утра пораньше он, потирая руки, направил документ в приемную стукача. Копию — главбуху, с которой стукач, по слухам, был связан совсем неродственными узами и которой был обязан стремительным продвижением по службе.

Не прошло и пары часов, как исполнительный директор снизошел до того, чтобы позвонить Артуру на мобильный. Снаряд, похоже достигнув цели, с грохотом разорвался.

— Зачем вы прислали это безумное письмо? — первым делом поинтересовался стукач демонстративно-вежливо.

— Вы начали разбираться в ситуации, и я, как человек, хорошо с ней знакомый, решил упростить вам задачу, подготовив информационную справку, — ответил Артур.

— А зачем вы отправили копию Алле Николаевне? — зачем-то остановил он свое внимание на главбухе. — Она мне не начальник и вообще никто!

Артур внутренне ликовал, ведь он ясно видел, как в уголках влажного рта стукача копилась пена негодования.

— Александр, но она главный бухгалтер нашей компании, ее подразделение изначально и запрашивало все документы по указанному сотрудничеству.

— В любом случае это не корпоративно, — ответил ему на это штатный стукач.

Похоже, что Артуру удалось отбить блицкриг, но важно было своевременно начать контрнаступление, которое могло бы окончиться его полным крахом или негласным мирным соглашением.

— Некорпоративно, на мой взгляд, то, что в конфликтной ситуации вы, не вдаваясь в детали, заняли сторону наших оппонентов!

— Их позиция сильно отличается от того, что вы изложили в письме, — попытался парировать стукач.

— Уважаемый, ну вы же юрист, не мне вам рассказывать, что в любой конфликтной ситуации есть две противоположные точки зрения. Единственное, что непонятно лично мне, так это почему вы изначально занимаете позицию наших оппонентов, вместо того чтобы защищать интересы компании, в которой работаете.

И все бы ничего, но Артура, по все еще неясным причинам, не поддерживал Председатель, поэтому программа, заведенная на полное уничтожение, продолжала исправно работать. В общей сложности Артур продержался двадцать шесть дней, ровно столько он пробыл самым молодым big boss межгосударственной телерадиокомпании с более чем полутора тысячами сотрудников в штате.

Отставка, вернее, окончательный и бесповоротный отказ от самой идеи его утверждения в должности осуществился на очередном заседании в кабинете Председателя. Штатный стукач уехал на моря, и это было плохим знаком для Артура: партию его оппонент, судя по всему, взял и поэтому так спокойно покинул стол.

Намеренно вывалив наработанный за все эти дни массив проектов, договоренностей и достижений, Артур порядком утомил участников совещания. Боковым зрением он видел озабоченное выражение лица Председателя, то и дело отрывавшегося от стопки бумаг, которые по традиции параллельно подписывал. Казалось, он выгадывал момент, но, потеряв терпение, оборвал нескончаемую речь Артура.

— Артур, — кажется, впервые за все время знакомства обратился он к нему по имени и, сложив руки в пирамидку, на которую водрузил поблескивавшую бритую голову, поинтересовался: — А скажите мне, пожалуйста, почему в своем письме в адрес организаторов экономического форума вы подписались руководителем отдела маркетинга?

Артур зачем-то скинул овечью шкуру и, вопреки давно сложившимся традициям компании, посмел возразить:

— Это неправда. Ни в одном письме я не подписывался руководителем чего бы то ни было.

Председателя, очевидно, не удовлетворил его ответ, а сидевший рядом Творческий Импотент еле слышно кашлянул и больно наступил Артуру на ногу. Остальные молча наблюдали заклание овцы, лишь изредка переглядываясь с придурковатыми улыбками.

— Хорошо! Тогда скажите, вы с кем-нибудь согласовывали письмо в адрес организаторов экономического форума?

— Каждый день я отправляю по тридцать-пятьдесят писем, а проекты сотрудничества по сложившейся практике согласовываются с вами только на финишной прямой, когда становится ясен ряд услуг, которые мы с партнерами можем друг другу оказать.

— То есть свое письмо в адрес организаторов экономического форума вы ни с кем не согласовали? — как вредный учитель, поймавший отличника на незнании мелкого правила, уточнил он.

— Нет, свое письмо в адрес организаторов этого форума я ни с кем не согласовывал, — кажется, излишне торжественно отозвался Артур.

— Ах, вот оно что! Тогда, — начал он озвучивать резулятивную часть, чтобы бросить в топку печи больше полугода усилий Артура, — Мария Витальевна назначается куратором этой замечательной службы.

Очевидно, что слово «замечательной» он брал в огромные, размером со всю компанию, кавычки.

Артур бросил взгляд на внутренне возликовавшую Марию Витальевну, ловко сыгравшую эту многоходовку. «Убрать» руками энергичного Артура неэффективную Валентину Игоревну, чтобы потом в два притопа слопать еще не успевшего закрепиться в ее кресле его самого. Умно, ничего не скажешь.

— Так, пожалуйста, — обращаясь к коммерческому директору, докладывавшей следующей, сказал Председатель.

Все происходившее казалось Артуру окончанием увлекательного приключения. И как бывает в конце каждого приключения, грусть и радость смешались. Глав-

ным чувством, которое он в тот момент испытывал, было облегчение. Казалось, что с его плеч сняли огромный валун, который Артур, будто Сизиф, пытался поднять на высокую гору собственных амбиций.

Артур наблюдал за окружающими его людьми, но внимательнее всего, конечно, за Председателем. На стене его кабинета были развешаны его фото с первыми лицами государства, его же карикатурный портрет с гипертрофированно огромным носом и ушами-лопухами. Там же, в простых деревянных рамках, были и многочисленные грамоты, и благодарности, несколько из которых подписал сам президент.

Председатель продолжал работать с документами, пока каждый следующий докладчик, по часовой стрелке передавая слово друг другу, рассказывал о положении дел во вверенном ему отделе. На манжетах рубашки Председателя традиционно виднелись вышитые каллиграфическим почерком инициалы. Сам он то и дело пил из маленькой бутылки минеральную воду. В голове его, судя по всему, как всегда, происходили напряженные мыслительные процессы, которые, впрочем, не мешали периодически задавать уточняющие вопросы выступавшим и передавать записки с поручениями уже «отстрелявшимся». Интересно, нашлось ли в его голове хоть немного места мыслям о произошедшем с Артуром, или он, считая себя эффективным менеджером, стер эту папку из своего сознания сразу же после решения вопроса?

Увольнять Артура — особенно в первое время, пока не уляжется пыль, — вряд ли бы кто-то стал, поэтому теперь можно было расслабиться и получать удовольствие — как говорится, солдат спит, служба идет.

Стоило признать, что мама, отговаривавшая Артура повышать ставки, как всегда, оказалась права, хотя у нее, неизменно призывавшей к осторожности, всегда было больше шансов на победу во всяком споре.

В ту главную ночь Артур пробыл в офисе допоздна. Дешевое абхазское вино охотно лилось в его с Настей бокалы. До памятной поездки в Петербург с признанием в любви и изгнанием из отеля было еще далеко, поэтому они еще вроде как дружили. Из небольших компьютерных колонок несся рэп, в последние годы ставший оптимальным саундтреком будней Артура. Ему хотелось курить, но выходить в курилку-душегубку он не любил, тем более что наверняка штатный стукач, потирая руки, пусть и с расстояния в несколько тысяч километров, мог наблюдать за его крахом на дисплее своего компьютера: всюду было установлено видеонаблюдение.

Артур решил позвонить герою одного из лучших своих рассказов, тем более что междугородные все еще оплачивала компания.

— Как сам, бро? — гаркнул Артур в трубку. — Держись город?

— Все ровно, братиш, — ответил тот расслабленно. — А ты что, еще на работе?

— Да, пока на галерах, — сказал он и добавил: — Хотя скоро кино и закончится.

Настя тем временем исполняла сидячий танец, поднимая локти и то и дело коротко поглядывая на Артура. Он наконец заметил, что из-под приподнятого платья, чаще чем прежде, стали мелькать волнующие едва ли не каждого мужчину резинки чулок.

— В смысле? Что, увольняешься, братан? — между тем уточнял собеседник.

Разговор казался слишком банальным, хотя Артуру в тот момент хотелось не сочувствия, а какого-то дикого угара. Он был бы рад обнулить обстоятельства, в которых теперь оказался, придать случившему легкий оттенок трагикомедии или фарса. Он хотел убедить себя, что, сойдя с корабля, на котором плыл больше года, увидит не каменистый остров жизни, а прекрасный сад — далекий Танжер, где каждый не только не боится быть самим собой, но и по-настоящему им становится.

Артур сделал серьезный глоток и снова почувствовал, что хочет курить.

Амбиции, еще недавно буквально переполнявшие его, будто джинн из бутылки, взмыли под потолок и обратились в невидимый пар.

— Пока нет, — откашлялся Артур в трубку, — но в принципе имей в виду — финита ля комедия!

После этих слов он резво бросил трубку на пластик телефонного аппарата. Стремительно вскочив, подошел к зеркалу. Стрелки на круглых настенных часах с логотипом главного телеканала семейства лениво перемахнули за полночь. Из зеркала на Артура смотрел уставший человек. Взъерошенные волосы над блестящими грустным блеском глазами, очерченными темными кругами — медалями за бессонные ночи. Он хлопнул себя по дряблему животу и сказал с гипертрофированной веселостью:

— Надо будет спортом заняться, в бассейн походить, что ли.

— Ну да, теперь у тебя будет много времени — займешься собой, отдохнешь малёк, — успокаивала Настя, а потом продолжила: — Вообще, Артурик, помни, что по законам жизни, когда закрывается одна дверь, открывается другая — это просто неизбежно.

— Да знаю я, — отмахнулся он и, вернувшись в кресло, разлил остававшееся вино по бокалам.

Настины ноги слишком часто сменяли друг друга — наконец в эти постепенно замедлявшиеся моменты между ними стали показываться не только резинки чулок, но и замелькал треугольник белоснежных трусиков.

Осушив очередной бокал, Артур взял пустую бутылку и, брякнув что-то о курилке, покинул кабинет. Присматриваясь к кошкам, скребущимся на душе, он, заметно покачиваясь, добрал до мужской уборной. Выбросив бутылку, подошел к раковине и умылся. Подвернув рукава нарядной рубашки, которую надел по случаю встречи с Председателем, и вытащив ее низ из джинсов, пошел к сколь ненавистной, столь и необходимой ему сейчас курилке.

Там, сидя на скамейке, приставленной к стене, томно посасывали тонкие сигареты ночные редакторы.

— Девушки, доброй ночи! Я отдаю себе отчет, что это моветон, — ставший благодаря алкоголю говорливым, прервал он их вялотекущую беседу, — но не позволите ли попросить у вас сигаретку для простого труженика рекламных войск?

Одна из них брезгливо протянула Артуру сигарету и зажигалку.

Более не заботясь о своей репутации, он отошел в угол и лег в тамошнем полумраке на обитую дерматином скамью. Он вдыхал табачный дым и неспешно выпускал его в окружавший его смрад. Казалось, он мог лежать так целую вечность — необязательно здесь, необязательно в это время, — сейчас он мог путешествовать не только по разным странам, но и эпохам, притворяясь то уличным бродягой, то властителем мира.

Артур вспоминал Ашхабад, то, как бежал из школы домой, чтобы, быстро переодевшись и перекусив на ходу, отправиться в секцию футбола. Жаркое среднеазиатское солнце припекало, а они — человек двадцать, может, и больше — катали мяч по залитому пупырчатой резиной полю стадиона «Копетдаг». После тренировки и разминки — матч. Он, как и всякий подросток, слабо представлявший себе значение слова «стратегия», рвется в атаку, хотя удар у него толком не поставлен, а дриблинга нет в принципе.

Он помнил эту беззаботную суету вокруг мяча: гетры, бутсы, футболки, выводящие наружу липкий пот. Путь к дому лежал через парк — прямоугольник зелени в центре города. Казалось, чувства и эмоции тогда были на пределе — смех был смехом, а слезы слезами. Все принималось всерьез, а суть самой жизни, с одной сто-

роны, была четкой, как никогда, с другой — виделась лишь в размытых силуэтах. Впереди каждого из его ровесников ждало великое будущее: политические трибуны, корабли первооткрывателей, гоночные болиды. Все было окутано обыденным волшебством, в котором и он чувствовал себя гармонично. Все было очень просто: черное черным, а белое белым, — и так легко было ориентироваться в этой системе координат и каждому объяснить свою правоту.

Он мечтал когда-нибудь увидеть вечного президента, который глядел на него с многочисленных портретов в школе, позолоченных памятников на улицах города, из бесконечных телевизионных сюжетов о происходящем в стране. Артур знал, что, когда они встретятся, он прочитает ему стихотворение, и, восхищенный, президент подарит ему верблюжонка — лучшего друга в пустынных широтах.

Как-то Артура, среди других школьников, даже выстроили перед одним из городских банков, и, несколько часов прождав господина президента, дети узнали, что он не придет. Хотя кто-то сказал, что президент проехал мимо и даже успел помахать им из окна, Артур уловил в себе новое, доселе неизвестное ему чувство. Тогда он не смог его объяснить, но то было разочарование, раз и навсегда отменявшее саму идею мечты. Верблюжонок после этого ему стал не нужен.

И хотя впереди была тысяча дорог — все было кончено.

Постепенно он пришел к мысли, что ему нужны власть и средства, чтобы казнить и миловать, дарить и отбирать, вершить не только свою, но и чужие судьбы. Интуитивно он ясно осознал это, а со временем — годами, все ускорявшими свой бег, — только утвердился в своем мнении. Работа в компании?! Раз уж обстоятельства так сложились — пожалуйста, но мог ли он всерьез держаться за эту роль?! Всякий раз невидимая рука отодвигала его от обретаемой стабильности, кормушки, из которой он мог питаться едва ли не всю жизнь. Оставались другие — игравшие не только на опережающих его позициях, но и всегда остающиеся в тени — слабые и неуверенные в своих силах, а он уходил. Ну, или его уходили, неважно. Так, чтобы он снова бродил по пыльному асфальту и свежим набережным, чтобы бесцельно ездил на автобусах, поездах и самолетах, чтобы учился и учил и все больше отдалялся от тех идеалов, которыми жили те, кто его окружал. Особенно это тревожило его девушку Лену — он все чаще стал замечать усмешку на ее лице. Раньше полностью поглощенная их отношениями, а вернее, своим к нему отношением, теперь она всерьез могла заговорить о временах, когда они не будут вместе. С одной стороны, и тут не нужно быть семи пядей во лбу, она подталкивала его к более решительным действиям, с другой — основательно и всерьез разочаровалась в нем как спутнике...

— Артур, это ты? — сказал кто-то, осторожно ступая в полумраке курилки.

Потом над Артуром резко зажегся свет ламп, и он попытался разомкнуть глаза. Прикрыв их ладонью, он не мог понять, кто это был.

— Артурчик, ну что с тобой, почему ты лежишь здесь? — голос был по-домашнему уютным, а интонация показалась ему трогательной настолько, что на глазах навернулись слезы — стыдно было признаться, но он, при всех исходных, очень жалел себя. Снова его ждала дорога: широкая, разветвленная и пустая. Главной проблемой было то, что неизвестно было, куда она его выведет — к высокому положению состоявшегося человека или к очередным поражениям — неинтересным, тянущим в свою трясиину, словно в болото, — увязла ступня, и вот уже по пояс в зеленой воде.

Сбросив ноги на пол, он постарался подтянуть одутловатое, ставшее вдруг непослушным туловище, чтобы присесть.

— Ты... ты что, плачешь? — наконец спросила Настя, заметив мелкую неконтролируемую дрожь его плеч.

Артур встал и крепко обнял ее. Странно, но ему, обычно внутренне оторванному от всего, что окружало, вдруг понадобилось человеческое тепло — просто почувствовать чьи-то объятия, услышать слова утешения и поддержки. Только когда он становился слабым, превращался в человека.

— Ну ничего, дорогой... Чего ты так? — удивленно причитала Настя, поглаживая его по взмокнувшей спине.

Немного успокоившись, Артур поцеловал ее в лоб и молча вышел из курилки.

В кабинете, который он вскоре должен будет освободить, он быстро оделся и, бросив ключ на стол, покинул помещение, а затем и само здание, так называемый Пентагон, еще в советское время выросший на холме у помойной Язуы. Настя, к счастью, замешкалась, и он смог уйти один.

Улица, на которой он оказался, была тихой — с трамвайными путями и рядом жилых домов. Артур обернулся — белая вывеска, символ его теперь уже прошлой жизни, ярко светила всему вокруг. То был логотип компании, которая, пожирая государственные субсидии, могла выжить при любых обстоятельствах — случись очередная мировая война или даже конец света, журналисты с соответствующими нашивками на форменных жилетах появятся на месте событий, чтобы рассказать о них зрителям.

Держась за холодный металлический поручень, Артур спустился по невысокой лестнице и подошел к машине. Который год он ездил на черной компактной «Volvo C30», взятой некогда едва ли не на пару месяцев и оставшейся, похоже, навсегда. Сев за руль, он похлопал себя по щекам показавшимися каменными ладонями и завел двигатель. Артур хорошо знал систему: нужно было слегка приоткрыть окна, включить музыку, а лучше — одновременно глубокий и бессмысленный радиийный разговор, за обрывки фраз которого его сознание могло бы цепляться и следить за спидометром, который всякий раз норовил увлечь его в мир скоростной езды, которую он не очень любил.

То и дело шурясь, чтобы сфокусироваться на дорожной разметке, он, используя едва ли не мышечную память, чудом добрался до дома.

— Ты где опять был? — с порога встретила его мать. — Свинья, я ведь звонила тебе сколько раз!

Чтобы не завалиться набок, снимая обувь, он облокотился на платяной шкаф.

— Где ты был? Снова пил?! — разъяренный взгляд блестел пытливо-заинтересованно.

— Ты же знаешь, что мне завтра на работу! Почему ты так надо мной издеваешься?! — продолжал сыпаться град риторических вопросов.

Что он мог ответить?! Ну, например, не знал, что ей завтра на работу или что он живет своей собственной жизнью, не имея желания кому-то навредить, поиздеваться или, напротив, помочь?

Лет пять назад вместе с вопросами на него стали бы падать десятки мощных ударов тяжелых кулаков. В такие моменты она от всей души лупила Артура, крутя огромными руками, будто винтами обезумевшей мельницы. Но грустный неизменный закон природы таков, что молодость наливалась силой, а зрелость, нехотя, но уверенно превращавшаяся в старость, ослабевала. В какой-то момент стало понятно, что баланс сил перераспределился и бить Артура не имело смысла. Удары не достигали цели, а только выматывали нападавшего. Так постепенно она бросила эти попытки, хотя словесных дуэлей, по-видимому, было не избежать.

Она на секунду замолчала и, переминаясь с одной уставшей ноги на другую, внимательно вгляделась в его лицо. Казалось, что сейчас она прочтет на нем все переживания прошедшего дня: разрушение воздушных замков карьерного роста, предстоящую пыль дорог и острие каменного перевала, который ему теперь предстояло преодолеть.

— Алкаш! — не церемонясь, бросила она. — Ты весь зеленый — посмотри на себя — весь! Буквально с ног до головы!

Снимая обувь, он оступился и упал на пол. Она отступила на шаг, отстранившись от него и его проблем. Артур медленно сполз по подвернувшейся стенке вниз и, опустив лицо в раскрытые ладони, хотел расплакаться высвобождающими тревоги обжигающими слезами, но вместо этого нервно повел плечами.

— Ты знаешь... — сказал он и остановился. В его горле запершило, он кашлянул и добавил еле слышно: — Ты знаешь... Устал... Очень сильно...

— От чего это, позволь поинтересоваться? — продолжила она, и не выдерживая паузу: — Подлец ты — вот кто! Лена много раз звонила, буквально на ушах стоит, я не сплю, а он, видите ли, устал. Ты на машине приехал? Вот собьешь кого-нибудь насмерть, может быть, наконец поймешь, что творишь.

Артур слышал, как она сделала два неровных, тяжелых шага, с треском нажав на кнопку переключателя, выключила свет и двинулась в спальню. Прихожая погрузилась во мрак. Артур не поднимал головы и думал о папе — не его ли вина в том, что теперь они вынуждены так отчаянно биться за жизнь, срываясь и терзая друг друга в бессмысленных изнуряющих баталиях.

Устроившейся на склоне лет продавщицей в магазин женской одежды, маме редко когда позволялось присесть в течение двенадцатичасового рабочего дня. Она имела от этого небольшие деньги, но в ситуации полного безденежья, в котором они после спешного отъезда отца Артура оказались, даже эти скромные средства могли внушить ей пусть робкую, но надежду на завтра.

Артур, привыкший к околобогемному образу жизни по системе «все включено», в поисках длинного рубля, а не интереса ради, стал менять одну работу на другую. За непродолжительное время он перепробовал себя в целом ряде ролей низкооплачиваемых служащих — от продавца и охранника до грузчика и мерчендайзера.

* * *

Читая заметки Артура и продолжая с ним общаться, я понимал, что ни в них, ни в личном общении он не был до конца искренен. Я, возмнивший себя если не его ближайшим соратником, то уже точно другом, с сожалением осознал, что он не раскрывается в своих текстах с той степенью глубины, на которую был способен. Мотивы многих его поступков оставались для меня непонятными, душевные терзания отчасти надуманными, если не сказать, притянутыми за уши.

Наблюдая, сколько мне было позволено, за его жизнью, отношениями с матерью, редким общением с отцом, в какой-то момент я вдруг поймал себя на мысли, что начинаю разочаровываться.

Первая его книга перестала казаться столь уж энергичной, сам он все чаще представал как ленивый обыватель. Я и раньше с трудом проецировал его работы на конкретную личность, а по прошествии пусть небольшого, но все же времени еще больше утвердился в своих сомнениях.

Мне было очень жаль все это осознавать, ведь я рассчитывал получить искреннюю документальную прозу, которая опишет не только кривую индивидуальной судьбы, но и приметы времени — особенности существования в ситуации полностью обесцененной человеческой личности, где каждый индивидуум — лишь часть огромной матрицы, часть незначительная, а оттого и малоинтересная.

Лень Артура, которую он то ли не мог, то ли просто не видел смысла перебороть, казалось, убивала и очевидные способности автора к литературному труду,

ведь он не уделял своим замыслам достаточно времени и внимания и, погруженный в сиюминутные заботы, все больше отдалялся от какой угодно большой мечты, становясь — и это было по-настоящему больно признавать — обыкновенным, со всеми мелкими плюсами и минусами горожанином, растворялся в толпе.

Казалось, что некогда натянутая струна внутри него лопнула с противным треском, не дав миру ни нового звука, ни смысла.

Я все чаще стал задумываться о своем выборе. Возможно, моя девушка была права, и филфак с деканом со скуренной желтой щеткой усов над верхней губой уже не казался таким уж плохим примером для подражания.

Чем сильнее росло мое разочарование в Артуре, тем быстрее обесценивалась и моя собственная жизнь. Оказавшийся в сложной ситуации, на миг очарованный и оттого воспаривший, теперь я вот-вот должен был рухнуть наземь.

Я всегда считал, что великие идеи невозможно претворить в жизнь в одиночку и к каждой великой идее, высказанной ее носителем, в подходящий исторический период неизбежно должен присоединиться гул толпы. Артур и его первая книга были попыткой превзойти себя, свое земное существо, попыткой осмыслить, как он когда-то выразился, «смысл земли». Это читалось в каждой строчке небольшой по объему книги, но что теперь?!

Казалось, что Артур превращался во все то, что когда-то осуждал и даже ненавидел. Глупые страсти, мелкие ситуации на фоне северных широт, бесполое безопасное существование. Он избегал не только резких действий, но и простого слова, которое могло кого-то задеть или обидеть. Конфликт, являющийся двигателем всякого преобразования, столкновение — интеллектуальное ли, физическое ли — вдруг оказалось за пределами его понимания.

Собравшись с мыслями, я решил всерьез поговорить с ним, ведь дело было не только в его собственном выборе, но и в моем будущем. Если он не собирался ничего организовывать, все чаще тяготился моей компанией и тяжело вздыхал после каждого неудобного вопроса, стоило попытаться хотя бы высказать свои сомнения.

В тот вечер, когда я, предварительно написав эсэмэс, вошел в комнату Артура, он, как нередко и до этого, лежал на кровати. На прикроватной тумбочке громоздились книги — что-то из современной российской прозы, несколько биографий — томики, регулярно менявшие место и, по моим наблюдениям, читанные им без определенной системы. Мягкий свет разливался по гладким ламинированным полам его комнаты. В углах клубилась пушистая пыль — такая, что окажись здесь глупый ребенок, наверняка счел бы ее за сладкую вату и потянул в рот.

На лице Артура была даже не щетина, как он привык носить, а настоящая бородка — в целом он был чистоплотным человеком, но неаккуратно уложенные волосы вкуче с обильной растительностью на подбородке производили ложное впечатление.

— А, это ты, друг... — повернувшись ко мне, глухо сказал Артур.

Мне показалось, что он болен. Как бы отвечая на мое предположение, Артур с чувством закашлял. В груди что-то жидко переливалось и klokотало.

— Садись, — он немного отодвинулся к стенке и, словно в замедленной съемке, хлопал по краю кровати.

Еще совсем недавно я бы дорого заплатил за такое отношение, видно было, как искренне Артур рад меня видеть. Но что мне радость одного из миллиардов?! Я стал замечать в себе жестокость героев его текстов — бессмысленность отталкивалась, не задумываясь, а сверхчеловек, твердо ставя ногу, шел дальше. Не знаю, как он, но я все еще хотел бы себя превзойти...

— Артур, нам надо поговорить, — строго сказал я, подкатив к кровати его рабочее кресло и усевшись.

— Надеюсь, серьезно?! — с хитрой улыбкой ответил он и, потянувшись, включил настольную лампу, — он чаще читал лежа.

Лицо его за ту неделю, что мы не виделись, осунулось — обычно раздраженная красная кожа щек стала вдруг белой, как канцелярский лист. Глаза казались посажены глубже обычного и неестественно блестя. Едва видневшиеся в узкой улыбке зубы, по-видимому оттеняемые темной бородой и шапкой волос, казались чрезмерно белыми, как если бы он был героем телерекламы. Заострившийся, словно у покойника, с горбинкой нос. Весь он выглядел жалко. Я бы не удивился встретить такого персонажа на вокзале или в другом общественном месте — пусть не просящим подавание, но лежащим с независимым видом у какого-нибудь источника тепла, окутанного смрадным запахом и признаками начавшегося разложения еще живого тела и уже окончившегося — души. Как и в случае с привокзальными персонажами, до первоисточника, причины падения, было не докопаться — да и нужно ли?! Возможно, такие люди, изначально программируя себя на невозможность социализироваться, день за днем скатываются по наклонной, не находя сил что-то противопоставить миру, становясь «интеллектуальными банкротами», о которых он когда-то писал.

— Дорогой, как же хорошо, что ты пришел... — сказал Артур и вновь закашлялся. — Ты — лучшая моя половина, — ни с того ни с сего продолжил он.

Его лукавые, как с портретов Распутина, глаза, смотрели сквозь меня — будто бы видя то, с чем я пришел, и даже то, чего я о себе мог еще не знать. Это его внезапное признание сильно смутило меня — доселе никогда он не произносил ничего подобного, а был по-особенному, в старинных традициях, подчеркнуто вежлив и даже после бесчисленного количества выпитого вместе продолжал обращаться ко мне на «вы».

Дверь в комнату Артура приоткрылась, и в образовавшийся проем заглянул крупный овал лица его матери.

— Хотите чаю? Я поставила чайник.

Внимание мамы, обычно холодной и отрешенной, тоже показалось странным. Чаем меня хоть и угощали прежде, в последнее время я, преодолевая стеснение, заваривал его на кухне самостоятельно.

— Да, мамуль, он будет и чай, и кофе. У него ко мне серьезный разговор... — то ли в шутку, то ли всерьез ответил за меня Артур. — Нам надо немного поработать.

Я почувствовал себя как-то неловко: этот образ, в котором находился Артур, его смешливый тон, как будто он знал все наперед. Дверь прикрылась, а я, пытаюсь справиться с мыслями, оглядел и без того знакомое помещение. В одном из углов — практически у занавески, отделявшей комнату с ее одностенной подростковой кроватью, переполненным, словно бы вывернутым наружу, книжным шкафом, небольшим двустворчатым платяным шкафом, — лежали стопки его книг — к счастью, когда-то изданных и, к сожалению, в большинстве своем так и не разошедшихся.

Мне стало жаль его — щемящее чувство сдавило грудь, чуть было не заставив необъяснимые, неуместные сейчас слезы брызнуть из глаз.

— Ну чего ты? — ласково произнес он, попытавшись приподняться на ослабевшем локте, но тут же вновь осыпавшись на подушку. Другую руку он как будто тянул к моему лицу...

Я решительно отстранился и, даже нервически дернув ногами, откатился на потрепанном офисном кресле. Что-то глубинное вдруг проснулось во мне. Агрессия?! Не знаю. Злоба?! Может быть.

Мне захотелось ударить его — сейчас особенно незащитного — прямо в поблескивающие глазки — так, чтобы они тут же заплыли синим. Я поймал себя на мысли, что хочу стащить его на пол — я буквально видел эту картину со стороны — и horribly избить.

Кажется, я вдруг возненавидел его за все сразу. За его некогда проявившийся талант, за харизму, за те простые, но вместе с тем жизненные идеи, которые он периферически высказывал. Ненавидел за то, что он фактически сбил мой радар, заставив взглянуть на мир по-новому, и в этом новом мире — трехмерном — вдруг стало холодно и неуютно.

Артур, недолго подержав глаза закрытыми, вновь их открыл и вдруг стал рассказывать:

— Знаешь, мне тут такое привиделось... Не знаю, сон это был или видение... — он в очередной раз откашлялся и, уже не видя меня, а уставившись в потолок, продолжил: — Как будто весь я превращаюсь в символы. Я просто потянулся за чем-то и вдруг увидел, что рука моя... как в кино... превращается в буквы и пробелы... русские, латинские, там были и цифры... И весь я стремительно, как будто... составлен из карточек-перевертышей... становлюсь книгой... текстом...

Его эта новая история, которая могла произвести на меня впечатление в начале нашего общения, теперь была не способна изменить вдруг возникших намерений. Все это или нечто подобное — возвышенное и одухотворенное, странное и необычное — я уже слышал много раз. И всегда, вдруг воспаряя вслед за ним, больно падал — Артур не то чтобы не был последователен в своих словах и действиях, но часто и вовсе забывал о них.

Он лежал передо мной такой беспомощный, переполненный разве что пустым осознанием собственной значимости — безосновательным и глупым.

Ярость буквально сводила меня с ума. И ему я посвятил столько времени своей жизни? А сколько у него в разное время было таких, как я, учеников, последователей, просто друзей, как он их называл?! Оставалось только догадываться. По сути, не виновный ни в чем конкретном, он, словно Чарльз Мэнсон, должен был ответить за все, что натворил.

Я ударил его в лицо. Глухой звук какой-то кости, отозвавшийся по комнате, кровь, хлынувшая из носа. Явно опешив, Артур поднес руки к лицу и, потрогав нос, стал внимательно рассматривать окровавленные пальцы.

Нет, черт возьми, он не попытался ответить мне тем же. Он даже не собирался мне что-то возразить или о чем-то спросить. Артур не позвал на помощь, а ведь это, как я теперь думаю, могло его спасти. Все, что он сделал, и это было его главной ошибкой в тот вечер, а может быть, и в жизни — взглянув на меня в упор, широко улыбнулся. Все прибывавшая кровь ручейками стекала по его губам, облизывала казавшиеся белоснежными зубы и, немного увязая в бородачке, скатывалась на футболку и край одеяла, оставляя разводы.

Заперев дверь изнутри, я схватил его за волосы и, решительно наклонив над кроватью, хорошо замахнувшись, пробил ногой по лицу. Сбросив в мгновение обмякшее тело на пол, я стал бить его ударной правой ногой по животу, груди, лицу, по всему, во что я когда-то безоговорочно верил, что некогда смогло приподнять меня над окружавшей действительностью.

Будто обезумевший, я колошматил его всем, чем мог. И мог бы превратить в труху, если бы выдалась такая возможность.

Я все лучше понимал психологию некогда восхищенной толпы, терзающей десятилетиями властвовавшего над ними тирана. Один камень, полетевший в него, вызывает град булыжников, один неуверенный выстрел — пулеметную очередь, а попытка прямого насилия заставляет кого-то разрывать на куски его еще не испутившее дух тело.

Единственное, чего я теперь по-настоящему хотел, так это отыскать его оставшиеся черновики и, если получится, соединив их, окончательно утвердиться в том,

что все это время Артур попросту водил меня за нос. С этой целью я принялся спешно осматривать его шкафы. Меня сильно потряхивало — я, с одной стороны, очевидно переживал сильнейший стресс, с другой — какой бы глупостью это теперь ни казалось, я всерьез опасался, что Артур, будто злодей в фильме с предсказуемым сюжетом, вдруг оживет и, встав в полный рост, выстрелит мне в спину. Как он мог встать, из чего выстрелить?! Я сам понимал нереалистичность подобных предположений, но ничего не мог поделать с искаженным, будто натянутым изнутри, восприятием действительности.

Вдруг, словно очнувшись ото сна, я подошел к его телу и стал ощупывать карманы его спортивных штанов. В одном из них я обнаружил коробочку, с которой он, сколько я его знал, не расставался.

Только я собирался ее открыть, чтобы наконец узнать, что же Артур в ней хранил, в дверь постучали.

— Ребята, откройте! — довольно спокойно произнесла его мама.

Ее спокойствие, по-видимому связанное с хорошей звукоизоляцией в их безразмерной, купленной в лучшие времена квартире, казалось, передалось и мне.

— Мы немного заняты, — отозвался я как можно небрежнее.

Было слышно, что она поставила поднос на пол и зашагала прочь.

Так я вдруг — по сути, и не стремясь к этому — остался один на один с коробочкой.

Собрав найденные в шкафу оставшиеся черновики — некрасивые ученические тетради, исписанные шариковой ручкой великолепные альбомы с мелованной бумагой, измятые распечатки на принтере, — я засобирался.

Нужно было, найдя временный приют, спокойно поразмыслить о произошедшем.

* * *

Артур отчетливо помнил мамино собеседование — роскошная простота «Петровского пассажа» не могла не врезаться в его пусть даже и прохудившуюся память. Перекрытия из стекла и металла, ровный свет, лежащий на мраморные дорожки, упирающиеся в вычищенные до девственного блеска широкие витрины. В прессе писали, что в лихие девяностые создатель разветвленной империи магазинов одежды, в настоящий момент освоивший всем известный ГУМ, некогда стоял за витриной одного из бутиков «Петровского», товар для которого привозил челноком в клетчатых китайских сумках.

Теперь он, набравший не меньше полутора центнеров живого веса, сидел на вершине огромной пирамиды, в нижний слой которой, состоящий из бесправной обслуги, теперь пыталась устроиться мама Артура.

Выпив недорогого американо в ближайшем кафе, они поднялись на третий ярус пассажа, откуда открывался великолепный вид на обрыв одной из линий элитного торгового центра. Мама заметно волновалась, ведь половина резюме, благодаря которому ее пригласили на собеседование, была, что называется, высосана из пальца, если не сказать, являлась бессовестной ложью, а сама она всерьез не работала вот уже более десятка лет.

Артур вспоминал безнадежно устаревший школьный журнал с оценками и специальные страницы в его финале — с контактами и должностями, которые занимали родители его одноклассников. В графе «работа» мамы он с достоинством в голосе тогда просил поставить «домохозяйка», ведь это означало успешную, живущую в достатке семью.

Теперь все было по-другому, отец стал федеральной знаменитостью со знаком минус, и для трудоустройства даже на самую рядовую работу требовалась граничившая с мошенничеством изворотливость в сокрытии родственной связи с «тем самым».

— Пойдем со мной, — сказала мама едва слышно, когда Артур отпустил ее локоть у стеклянной двери головного офиса, — просто зайди, посидишь там.

— Посторонним туда нельзя, — воспротивился он, неловко ее приобняв, и постарался успокоить: — Ничего сложного не будет, просто разговор о твоем опыте работы — ты ведь запомнила основные даты своего трудового пути?!

Мама кивнула и, сделав глубокий выдох, скрылась за дверью. Артур же, как автор и продюсер ее резюме, был отчего-то абсолютно уверен, что ее возьмут — единственным препятствием на пути к ставке продавца-консультанта бутика женской одежды больших размеров мог стать ее убедительный опыт работы на руководящих позициях, некогда безрассудно вписанных папиной рукой в ее трудовую книжку.

Почти не отрываясь от деревянного поручня, Артур прошелся по верхнему ярусу пассажа, представляя себя в окружавшем его великолепии то капитаном терпящего бедствие корабля, то руководителем одного из южных регионов, имевшим право делать все, что заблагорассудится. Он хотел оказаться великим человеком, кто мог бы оставить след, а точнее, насладиться своим пребыванием на земле. Он хотел крушить врагов и вершить судьбы.

Некогда он — то ли в детстве, то ли в отрочестве — представлял себе город-сад, дворец, где нашлось бы место всем близким и дальним. Каждый пришедший мог бы обрести там место для ночлега и блюдо свежесобранных фруктов. Они бы иногда обедали вместе или пили свой five o'clock tea, а потом Артур вновь удалялся в свои покои. Чем бы он там в этих покоях занимался — вот вопрос, ответ на который он никак не мог найти. Писать или подписывать?! Какая, черт возьми, разница, если в бюджете вдруг сократившейся до двух человек семьи оставалось лишь с десяток мелких купюр.

Незадолго до вынужденного отъезда папы, ставшего вдруг не только по собственной глупости, но и сложившимся обстоятельствам врагом государства, мама выгнала его из дома. Вышло, что он проходил один круг изгнания за другим. Что же ждало его за последним?

Задержавшись у витрины, за которой манекены изображали собой молодую и счастливую семью, Артур в который раз мысленно вернулся к событиям тех дней.

В тот последний вечер Артур уже собирался ложиться спать, когда услышал энергичный топот где-то в районе гостиной. Сквозь матовое стекло двери он увидел мамин силуэт, поплывший на звуки, доносившиеся из прихожей. Ее раздраженно-му нервическому шагу вторило и тяжелое дыхание.

— Он в Петербурге, — выглянув из-за монитора своего ноутбука, днем ранее делилась она с сыном добытыми «разведданными». — Небось поехал со своей «Мандой-Иванной»...

— Ну почему сразу с ней? — нехотя поддерживал он беседу на порядок осточертевшую тему. — Может быть, по делам каким-нибудь?

— Да по каким делам, по каким делам? — ткнув указательным пальцем в дисплей, продолжала она. — Если звонки ей прекратились в эти два дня, значит, они вместе — нет сомнений.

— А почему ты считаешь, что он именно в Питере? — решил Артур осторожно перенаправить русло разговора в менее разрушительную плоскость.

— Вот подлец! — не услышав вопроса, возмутилась мама и, приложив тыльную сторону ладони к носу, чтобы не расплакаться, добавила: — Мог бы хотя бы сказать, что вообще уезжает.... Если не хочет мне, то хотя бы тебе, ты же все-таки его сын...

Не выдержав постоянно дополнявшегося пресса обид, она все-таки расплакалась. Артур осторожно погладил ее по руке со словами: «Успокойся, мам». Чего тут еще можно было сказать?

Зачем-то последовав ее просьбе, несколько лет назад Артур помог настроить детализации папиных звонков, тщательное изучение которых, наряду с исследованием внутренностей его карманов, в то время стало ее основным жизненным увлечением.

И вот спустя несколько дней отсутствия он, похоже, вернулся домой.

Предчувствуя драматическую сцену, Артур, тогда еще ребенок-переросток, оказавшийся в центре родительской нелюбви, вжался всем своим существом в кресло, в котором сидел.

— Собирай свои вещи и убирайся вон! — раскатисто, будто из вдруг надтреснувшего переполненного сосуда, разлился мамин голос.

Банальная, в общем-то, фраза прозвучала увесисто — всякое слово, вырывающееся из израненного сердца, не могло в те времена не найти сочувствия Артура. Показалось, что пусть шаткие, но все же кое-как сколоченные конструкции их мира вдруг начали разрушаться. Как по щелчку пальцев, сменились кадры — стало понятно, что окружающий мир никогда больше не будет прежним.

Артур тогда успел подумать, что холодная металлическая интонация в мамином голосе была ему доселе незнакома. За, страшно подумать, семь лет папиного распада он не слышал такой тональности в тех редких фразах, бросаемых ею в его безразлично-самодовольное лицо. Привычный женский истерический визг сменился властными нотками наконец осознавшего и, главное, принявшего предательство близкого.

Дым рассеялся, обнажив выпуклые фигуры людей в масках, застывавших на черных шелковых простынях. Одна из масок неловко скатилась на пол — под ней легко узнавалось лицо главы семьи.

— Где ты был все эти дни?!

Судя по звукам борьбы и глухому, вдруг потяжелевшему дыханию обоих, она набросилась на него, возможно пытаясь задушить. Артур знал, что он отобьется — слишком неравны были силы.

— Успокойся... — удивленный неожиданно яркому приему, бормотал он. — Отстань от меня! — и, похоже, наконец оттолкнув ее от себя, более грозно, возвращаясь в привычную для себя роль, сказал: — Ты вообще кто такая, чтобы меня об этом спрашивать? Сперва подумай, с кем и как ты разговариваешь.

Доставшаяся ему после настигшей любви к нимфетке, кое-какая власть и деньги, а также пара телевизионных интервью, которые он успел раздать, окончательно спутали роли в его взаимоотношениях с миром. Излишне, на вкус Артура, уверенными шагами ступал он по остро наточенному лезвию жизни, локтями отпихивая всякого, кто попадался ему на пути. В пропасть по его воле мог упасть и посторонний, и близкий, а всякий упрек со ссылками хоть бы на святое писание натывался на обескураживающую контратаку.

Стоило найти в себе мужество окончательно признать, что его личность для Артура давно превратилась в нечто невразумительное. Образ любящего отца семейства на протяжении десятилетий, возводимый им с патологическим рвением коммуниста старой закалки, с еще большим усилием был им же и разрушен.

Артур отчетливо видел дымящиеся руины старого города — здесь был бой. Пыльные глиняные стены осыпались, завалив в сотах тесных жилищ не одну семью. Артур ступал по этим развалинам, стараясь не запачкать туристические ботинки из жесткой коричневой кожи. Споткнувшись обо что-то мягкое, он взгляделся в смазанные линии, щедро нанесенные неизвестным художником на окружавшее его пространство. Среди кирпичей и пыли он разглядел детскую руку — маленькие пальчики в запекшихся кружевах побагровевшей крови. Мгновенно он пришел к осознанию, что рука эта — его собственная, а незнакомые декорации — мир, в который эти двое — его родители — зачем-то его пригласили.

Всякая трагедия несет с собой тысячи, десятки тысяч эпизодов — крупных и незначительных сцен, навечно отпечатанных в подкорке сознания, несет она и документальные, неопровержимые свидетельства, становящиеся со временем историческим фактом.

Пожалуй, самым памятным для Артура был день, когда отец по тогда еще действовавшей семейной традиции вез его к метро, чтобы затем поехать по своим собственным амурно-адвокатским делам. Словно глухонемые, они сидели в абсолютном молчании. Еще сонный, Артур вглядывался в боковое стекло — высоко над серыми панельками девятиэтажек он увидел большую птицу, широко расправившую крылья. Сделав пару взмахов, она быстро исчезла из поля его зрения. Артур бросил осторожный взгляд на папино отражение в зеркале заднего вида. Он запомнил эти глаза, массивное плечо, затянутое тканью все дорожавших костюмов, кисти рук на кожаном переплете руля. Кто-то, возможно, и мог угадать по этим глазам влюбленного человека, Артур же с ужасающей ясностью вдруг осознал: все, приплыли, отец никогда не будет прежним. Артур понял это мгновенно, хотя история длилась не меньше полутора лет. Она шла рука об руку с все еще тлешей в каждом из членов семьи надеждой на скорое восстановление отношений.

В тот день папа, как обычно, уверенно держал руль, периодически перенося правую руку на рычаг переключения скоростей. Что-то в Артуре оборвалось окончательно, и, находясь в головокружительном бреде, он достал из рюкзака альбом для рисования и быстро набросал на плотной бумаге это зеркало и этот взгляд. Стоит признать, что рисунок удался. Позднее Артур часто к нему возвращался, пытаясь напомнить самому себе, что его отец, выйдя на очередной виток жизни, изменился окончательно. Все хорошее, что было прежде, исчезло, скрывшись в тени нескончаемой череды низких поступков.

В тот вечер, сдерживая в себе естественное желание прервать очередную родительскую ссору, он положил рисунок перед собой. Ничего не поделать — все давно пропало.

— Отстань от меня! — снова бросил отец глухо.

Судя по продолжившейся возне, отставать от него мама не спешила.

Массовый кинематограф приучил нас к тому, что такие ссоры должны кончаться страстной безудержной близостью на скрипящей кровати, но отношения родителей Артура можно было охарактеризовать лишь словом «усталость». Усталость от себя самих, друг от друга, от жизни в целом.

— Зачем ты сюда приходишь? — перешла мать на крик. — Иди к ней, живите вместе, что вам мешает?! Только оставьте наконец меня в покое!

Кажется, он что-то ответил.

— Да, мешает! — сообщила она. — Мешает мне твоя лживая противная рожа!

Похоже, ему удалось вырваться из ее рук, и он быстро вбежал в спальню.

— Вот тебе сумка! — что-то грохнулось на пол. — Собирай свои манатки и иди к своей проститутке!

— Ты сама подашь на развод или это сделать мне? — неестественно спокойно поинтересовался он.

Очевидно, что он блефовал. Артур понимал, что к решительным переменам отец был не готов: они были ему не совсем удобны в бытовом плане, однако и теперь он не спешил выпускать вожжи из рук.

— Да мне по фиг, что ты будешь делать, — пошел в ход не свойственный маме в обычной жизни сленг, — главное — свали отсюда, я не могу тебя больше видеть, понимаешь?! Не могу и не хочу!

Судя по звуку вешалок, срываемых с перекладки в платяном шкафу, сумка начала стремительно разбухать.

— Шляешься, как дворовая собака, до ночи, потом приходишь, спишь на диване — зачем тебе это надо? Иди, живи с любимой, начни новую жизнь, дыши полной грудью! — продолжала причитать она.

— Ты лучше посмотри на себя и на то, как шляешься ты! — в стиле «сам дурак» зачем-то огрызнулся он.

Холостой выстрел дал неизбежную осечку.

— Где и как я шляюсь, любопытно узнать? Стираю твои грязные носки и трусы, пока ты болтаешься неизвестно где.

— Посмотри на себя в зеркало и все сразу поймешь, — зачем-то начал он переходить всякие границы.

— И что я там должна увидеть?

— Посмотри хотя бы на цвет своих волос.

Подлый удар ниже пояса.

— На брови свои посмотри.

Еще один неожиданный хук. Она была нокаутирована — считать секунды было просто бессмысленно.

Здесь стоит пояснить, что мама Артура в очередной раз перекрасила волосы — на этот раз в блонд — цвет шевелюры очередной папиной любви. Теперь он упрекал ее за это, имея в виду, что на Кавказе, откуда они были родом, считается, что крашенные светлые волосы — чаще всего признак морального падения их обладательницы.

Артур, не в силах более себя сдерживать, вскочил со стула, к которому до этого был едва ли не приклеен, и решительно двинулся к двери, отделявшей его от участников драматической сцены. Он был настроен ударить отца или что-то в этом роде или хотя бы сказать что-нибудь обидное — мамино мнение отец по привычке мог пропустить мимо ушей, сказанное же сыном могло глубоко засесть в жилах его странного существа.

— Завтра же подам на развод! — крикнул он.

Артур застыл, как если бы его ударила молния. Похоже, что сборы наконец были окончены. Он увидел чуть сгорбленный силуэт отца, с сумкой наперевес проследовавший в обратном направлении. Входная дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Наконец выйдя в гостиную, Артур увидел взволнованное, но как-то по-новому, одухотворенное лицо мамы. Она наконец приняла решение, к которому шла долгие годы, и казалось, что скинула с плеч тяжелый крест, пригибавший ее и без того усталое тело к земле.

Через день или два после домашнего скандала Артур, все еще возмущенный, рассказывал о случившемся Лене:

— Он обязательно поплатится за это, ведь долго так продолжаться не может.

— Ну, он ведь выстроил собственный бизнес, если ты о финансах, — унимала его запала она, — а что, кроме отсутствия средств, могло бы сбить его с занятой высоты?

Справедливый вопрос, ставивший его в тупик. Приметой времени было то, что дурак с приличным счетом в банке казался не таким уж и дураком, а просто интересным человеком со странностями. А кто у нас без странностей?!

— Не знаю, — в бессильном раздражении отвечал Артур, — но уверен, что так долго продолжаться не может. Его самодовольное бахвальство должно быть разрушено раз и навсегда — земля ведь круглая и, говорят, полосатая: за белой неизбежно следует черная.

Невольно призывая беду на отца, Артур даже не надеялся, что его желание кармической мести будет услышано небесным нечто настолько быстро.

По большому счету Артуру было все равно — несмотря за благодарность за детские годы и другие отеческие услуги, он давно вычеркнул этого человека из своего сердца. И тем удивительней было странное саднящее чувство, мучившее его едва ли не всю ночь и перекинувшееся на следующее утро после символической сцены изгнания отца из семейного очага. Артур чувствовал почти физическую боль — казалось, будто кто-то аккуратно вырезал мясистый кусок из самого сердца. И, самое главное, этого было уже не изменить.

Благодаря сообщениям прессы и бурлению Интернета многие, если не все знакомые Артура знали о деятельности его отца, но делиться с ними беспокоившими его проблемами он в силу характера не спешил.

Отец Артура, и это надо дополнительно пояснить, несмотря на свой радикально изменившийся образ жизни, что называется, «подсел», а точнее сказать — оседлал — исламскую волну. Горячая тема оказывалась лакомым куском для журналистов, от чьего внимания он в то время стал по-настоящему зависеть и которому, наряду с романтическими увлечениями, посвящал всего себя.

И вот, похоже, занесло. Папа Артура, воспользовавшись вниманием журналиста одного из федеральных телеканалов, вдруг заявил, что планирует создать в стране настоящее исламское государство, а если вдруг кто-то попробует этому помешать, прольется кровь. «Здесь будет второе мертвое море», — привел он образную цитату, сидя, расхристанный, в своем офисном кресле.

Артур вслед за возмущенной общественностью не мог понять ни тогда, ни позднее — что же это было. Весеннее обострение, о котором говорили его оппоненты, досадная ошибка или намеренная провокация. Чего он, за предательство изгнанный из семьи, теперь хотел, рассчитывал ли на такой всепоглощающий резонанс? Вряд ли, ведь будучи человеком страстным, скорее всего, действовал по наитию, в порыве вдохновенного восторга самим собой. К чему в таком состоянии просчитывать риски?

Ко всем переживаниям Артура добавлялось и то, что он мало с кем мог поделиться проблемой, с которой столкнулся. От своей девушки он сильно отдалился — ее загруженность работой, не в пример его вечной расслабленности, добавляла недопонимания. Ведь ей, как и всякому настроенному на семейный быт человеку, хотелось обретения, о это страшное слово, стабильности. Чем дальше они с Артуром уходили в лес, тем понятнее становилось, что ни о какой стабильности в обозримом будущем не может быть и речи. Он, потерянный и трясущийся, словно кленовый лист на ветру, уже не мог показаться ей идеальным партнером. А чувства?! Ну да, чувства, но и они, как и все в этой жизни, похоже, имеют свой лимит.

В моменты, когда Артур ощущал себя особенно одиноким, он замечал за собой странную особенность — пообщаться хоть с кем-нибудь. При этом контрагент подобного контакта был не так уж и ценен сам по себе, обезличивался, а определяющей его характеристикой в такие моменты могло стать — насколько он внимателен к Артуру.

По-настоящему устав от всего происходящего, он решил написать Насте-малышке. Она, сколько он был с ней знаком, всегда была легка на подъем, легкомысленна и весела. Кроме того, она любила алкоголь. В общем, комбинация в сложившихся обстоятельствах была едва ли не идеальная.

«Привет, малышка! Ты здесь?» — включив свой постоянно дополняемый саундтрек к жизни — аудиозаписи ВКонтакте, написал Артур ей в своей манере.

Настя-малышка оказалась на месте.

«Привет! Да. Как дела?» — почти мгновенно пришел ее ответ.

Тем же вечером они уже сидели в одном из кафе рядом с выходом из станции метро «Кропоткинская». Артур был уже порядочно пьян. По совпадению где-то здесь некогда начинались его отношения с Леной.

Через пару дней после прогулки, на которую он ее пригласил в университете, когда они дошли от Моховой улицы, где располагался их факультет, аж до «Октябрьской», Артур приехал к ее дому.

«Выходи, — написал Лене эсэмэс, — я под твоими окнами».

Лена постепенно трансформировалась, с годами естественным образом обзаведясь рядом обременявших требований. Теперь по ту сторону стола от Артура сидела еще совсем юная Настя, с детской непосредственностью гревшая подмерзшую ногу на батарее.

Недавно расставшись с парнем, выдвинувшимся в сторону армейской жизни, она казалась Артуру очень осторожной. Так, при встрече подставила щеку вместо губ.

Они пили, и после дежурных вопросов о ее жизни Артур стал изливать душу.

Он рассказал о домашнем скандале, свидетелем которого стал, и о том, какое чудовищное интервью дал его отец спустя пару дней после случившегося.

— Взмочаленный, он сидел в своем офисном кресле, — периодически окуная губы в бокал с вином, рассказывал Артур, — и говорил, что вместе с соратниками планирует «залить город кровью», если вдруг москвичи решат что-то противопоставить его планам.

Артур вновь и вновь проматывал в голове эту историю, полностью его захватившую.

Он вспоминал, как, взволнованный, снова и снова пересматривал это видео, сидя за компьютером в своей комнате. В какой-то момент Артуру показалось, что он нашел ответ на вопрос, зачем отец это сделал.

«Вы думаете, вы у себе дома, — говорил отец, глядя в камеру федерального телеканала, — но это наш дом, и мы здесь хозяева!» Эти угрозы были адресованы маме и Артуру, но ни общественность, ни органы правопорядка не могли об этом знать, начав заводить уголовные дела по едва ли не политической статье.

Артур был настолько погружен в эту проблему, что не слышал, не знал и вряд ли бы мог вспомнить, что на все это отвечала Настя-малышка. Она в тот момент была лишь слушателем, но никак не равным собеседником.

— Смотри! — сказал он, наконец включив видеозапись интервью и протянув телефон Насте-малышке. — Представляешь, теперь в России будут религиозные суды.

Артур сидел в глубоком тряпичном кресле, наблюдая, как меняется лицо Нasti-малышки. Чуть вздернутый носик, бледная фарфоровая кожа. Она могла бы выгодно продать свою красоту, если бы только захотела, но была для этого слишком возвышенной и одухотворенной.

— Сильно, — с едва сдерживаемой ухмылкой только и смогла ответить она. Светлые ее глазки под тонкими полосками бровей заметно забежали — было понятно, что ей стало страшно.

Настя-малышка вернула Артуру телефон, на котором застыл стоп-кадр этого интервью. Он воспользовался моментом, чтобы задержать свою ладонь на прохладной кисти ее руки.

Бросил взгляд на телефон — расстегнутый ворот рубахи, растрепанные волосы, желтоватые зубы-лестница, выглядывающие из глубин широкого рта. Артур не хотел узнавать в этом лице своего отца.

Как человек, некогда работавший с отцом, причем по взаимодействию с прессой, он понимал, что вот он, кусок настоящей славы — блестящий и переливающийся

на морозном зимнем солнце. Назавтра отец Артура проснется федеральной знаменитостью. Его слова вызовут бурю негодования и возмущения у богатых и бедных, здоровых и хилых, умных и глупых. Назавтра он проснется еще и врагом государства, а негативный общественный фон станет удобной средой для саморекламы политиканов всех мастей — будь то министерства, представители партий или отдельно взятые общественные деятели.

Страна и мир живут информационными поводами, и день за днем каждый, чья деятельность связана с тем, чтобы оставаться на виду, цепляется за очередной, старается напомнить о себе, представить в наиболее выгодном свете.

Впереди была тайна, втиснутая в рамки ожидаемого ужаса. Впереди было испытание, в котором, скорее всего, отцу вряд ли мог помочь кто-то, кроме разваленной его же руками семьи. Впереди был сильнейший удар его жизни: растоптанное самолюбие, публично уничтоженное имя, побег и даже нужда. Все это было впереди, а пока была лишь тишина — предстояла ночь.

Артур очень плохо спал, все думая о случившемся с его семьей и о том, как теперь жить в этом городе, который его же отец обещал «залить кровью», этой стране, в этом мире, где все, не обращая внимания на срок давности, можно будет легко найти в Интернете. Жизнь человеческая конечна, но Интернет будто Вселенная — не имеет границ, и сколько бы лет ни прошло, все желающие смогут получить информацию о наших прижизненных потугах.

В детстве Артур отчего-то был убежден, что, когда его не станет, машины на улицах и проспектах остановятся, люди не выйдут на работу, а вместо привычных теле- и радиопередач будут передавать гулкий и пустой звук профилактики. Он пытался понять, как же люди жили до непосредственно его рождения — хотел быть лучшим музыкантом, вырывающим скрипку из рук признанного профессионала, лучшим гонщиком, побеждающим в заездах королевских гонок, футболистом, который год от года получает золотые мячи, ученым, писателем, супергероем. И все это в одном лице, а когда его бы вдруг не стало, жизнь должна была бы остановиться не только в нем самом, но и вовне. Вместо смеха и слез — пустота, конечная станция вместо кажущегося бесконечным пути.

Так же должно было случиться и с папой. Ставший центром их семейного микромира — Солнцем, некогда освещавшим Галактику, он был пульсом времени, пульсом самой жизни. Несмотря на совершенное им предательство, Артур, возможно, по-детски полагал, что в случае его краха жизнь и всего человечества должна была претерпеть серьезные изменения. Солнце закатится за горизонт с тем, чтобы больше никогда не взойти — впереди будет темная морозная ночь длиною в вечность, с привкусом горечи и обиды.

На следующий день, когда отец, еще мало что понимая, успел набрать десятки тысяч просмотров на YouTube и дал несколько интервью, он стал темой номер один в России.

Радиостанции одна за другой обсуждали его инициативу, первые полосы газет и новостных сайтов выходили с его фотографиями и броскими заголовками, а к вечеру, Артур предвидел это, отца должны были задержать.

Снежный ком, обраставший комментариями уважаемых людей, разросся до немыслимых размеров, создать его нарочно стоило бы огромных денег.

Конечно, все еще надеясь на лучшее, Артур с мамой не удержались от того, чтобы немного позлорадствовать.

— Он нашел, что искал, — бросила мама, еще не до конца осознававшая масштаб произошедшего.

— Слава, которую он в последнее время ставил превыше всего, его догнала, — грязно отвечал Артур.

После обеда подоспели комментарии религиозных лидеров и глав северокавказских регионов. Игра приобретала опасный оттенок — пора было либо лезть на плаху, либо бежать куда глаза глядят.

«Я считаю, что тебе нужно уехать сегодня же, — наплевав на данный ранее обет молчания, написал ему Артур, — ночью или завтра наверняка пройдут обыски в офисе и дома. Это финал».

Он прошел в родительскую спальню и, всерьез ожидая гостей в масках если не ночью, то уже к утру, стал разбирать отцовский книжный шкаф. Там, среди томиков художественной литературы, появившихся у них едва ли еще не до рождения Артура, он нашел и религиозную литературу. Артур сильно сомневался, что кто-то из его родных, включая отца, когда-то ее читал, но на всякий случай собрал в одну стопку и тут же — без промедления — загрузил в мусоропровод. Книги, рассказывающие о священном для миллионов людей, ударяясь о грязные металлические стенки трубы, полетели вниз, прочь из жизни Артура.

Позже, тем же вечером, он получил короткое сообщение от отца: «Мне удалось покинуть страну — я в безопасном месте».

И завертелся маскарад, более походивший на калейдоскоп: встречи, разгром офиса, который занимало его бюро, еще мысли и еще комментарии, предательство людей, которых он считал соратниками, и нежелание коллег, в которых он был уверен, помочь ему ввиду ожидавшегося со дня на день уголовного дела. Их можно было понять: слишком велики были репутационные риски всякого, кто бы заявил, что вступил в дело «обезумевшего адвоката».

Призывая расплату небес на его седины, Артур не мог ожидать не только подобной скорости принятия решения этими самыми небесами, но и силы кары, которую они вдруг обрушили на голову его одновременно любимого и ненавидимого отца.

* * *

— Вот ключи от «Lexus», — откинувшись в кресле восточного кафе в центре столицы, сказал Тимур, свидетель последних месяцев отцовской жизни.

Ключи переместились со стола в карман легкого — не по погоде — льняного пиджака Артура.

— Вот документы от «сигналки», — с этими словами перед ним возникли красочный буклет и магнитная карта. — Если будут звонить, смело посылай их в одно место, пусть с платежами переждут.

Вообще говоря, Тимур изъяснялся с заметными паузами в речи, которые можно было объяснить обдумыванием тех или иных мыслей, если бы не знать, что он был профессиональным спортсменом и, более того, отставным чемпионом мира по карате.

Справа от него сидел не меньший «шкаф», представившийся Мурадом.

— А вообще, называй меня Морем, — предложил тот сразу после знакомства, — так меня все свои называют.

— Хорошо, Море, — откликнулся Артур.

И эти двое были с ним все последние месяцы?! Артур не мог поверить своим глазам. Неужели с этими людьми его отец был готов за что-то бороться и что-то строить. Он чувствовал свою слабость, с одной стороны, как человек, никогда не бывший в близких отношениях с отцом, с другой — чувствовал и собственную силу: вряд ли он когда-нибудь по собственной воле свяжется с такими персонажами. Артур,

несмотря на охватывавшее его недоумение, успевал еще и внутренне полюбоваться, восхититься отцом — собирал людей с виду серьезных. Где ты — простой, изнеженный столичной жизнью человек — найдешь их, да так, чтобы они гуськом шли за тобой, куда бы ты ни указал?

В маленькой «Volvo C30» Артура, которую он припарковал чуть поодаль, сидела мама, боявшаяся в сложившейся ситуации в одиночестве выпускать его из дома. Артур на секунду представил, как она вертит головой, глядя на многочисленных ночных прохожих центра столицы, и, скорее от скуки, чем из интереса, просматривает содержимое бардачка, подлокотника и других мест для хранения. Ее грузная фигура, зажатая в не очень удобном кресле светлой кожи, привиделась ему и в момент, когда Тимур сказал:

— Позже вечером поедem на твоей машине, отгоним «Lexus» от гостиницы «Космос», ты его поведешь, — указав на Море, — а я за тобой, на твоей.

Это была странная схема, подумал Артур, ведь почему бы Тимуру самому не пригнать папин джип туда, куда бы он ему сказал — на этом его дружеская помощь в этом вопросе могла бы быть в полной мере исчерпана. Нет, он зачем-то хотел посидеть за рулем автомобиля Артура.

— Вот деньги, — достав из внутреннего кармана исхудавший «пресс» пятидесятирублевых, продолжил Тимур, — твой отец просил передать вам. Здесь пятьдесят тысяч рублей.

Но прежде чем Артур успел протянуть руки за оставленной сбежавшим отцом смехотворной по московским меркам суммой, Тимур добавил:

— Но у меня будут свои расходы, поэтому пятнадцать тысяч я оставляю себе, а это забирай.

Вынув три купюры и вернув их во внутренний карман, он наконец протянул Артуру оставшееся.

«Хороша была игра, если в сухом остатке на счету семьи осталось чуть больше тысячи долларов, — с тоской усмехнулся Артур про себя. — Да и друг, изымающий средства из семейного бюджета в критический момент, тоже хорош».

Делать, однако, было нечего. Еще не до конца была понятна ситуация с дорогостоящим автомобилем, купленным отцом незадолго до отъезда, поэтому выяснять отношения с его окружением было, как минимум, рано.

Роль Тимура во всей этой истории оставалась для Артура загадкой. Так, он сомневался в искренности папиного друга еще при первой встрече — когда за несколько месяцев до случившегося тот пригласил сына заснять их очередную встречу.

— Чемпион мира, земляк, — со все повышающимся градусом восхищения в голосе отец представлял Тимура, а потом и вовсе заключил, что отныне он сотрудник адвокатского бюро в должности советника управляющего партнера.

Артур тогда смотрел в дисплей небольшой цифровой камеры, вполуха прислушивался к их вялотекущему разговору и удивлялся: зачем папе, имевшему два высших образования, общаться с людьми такого сорта. Одним из его основных упреков было то, что он не окружал себя интеллектуалами, лидерами мнений, а плодил фиктивные структуры и образовывал кружки по интересам, в которые могли войти и отставные спортсмены, и отставные же артисты, утратившие влияние и общественный интерес деятели. Короче говоря, он собирал вокруг себя всякого рода неудачников — людей не сказать, чтобы нуждавшихся, но чаще всего, по их собственному мнению, пострадавших.

После этой встречи, о которой Артуру предстояло написать пресс-релиз для сайта бюро, Тимур вызвался подвезти его до метро.

— Обратил внимание, как тяжело закрываются двери его машины? — тем же вечером спросил Артура отец, после чего сказал: — Это ведь бронированный автомобиль — его брата «завалили» несколько лет где-то в Азии, сам он опасается.

Артур, конечно, внимания не обратил.

— Я сейчас на намаз. Поедешь? — спросил Тимур, когда наш герой уже приоткрыл дверь, как оказалось, бронированной машины, чтобы выйти у метро.

— Да нет, наверное.

— А что? — уточнил он. — Тут недалеко — до одного торгового центра доехать.

Артур, похоже, сморщил лицо настолько артистично, что даже отставной спортсмен смог понять его без лишних слов.

Теперь же, после отъезда отца, он вещал в заметном возбуждении.

— Представляешь, там в Анталию летел наш земляк с местной девчонкой... Ну, на отдых, сам понимаешь. Мы его оттянули в сторону, раскрыли карты, тот пошел навстречу, сняв с рейса свою «кадру».

Тимур и Море расхохотались, а Артур живо представил озабоченное лицо мамы, наверняка шарившей сейчас рукой в бардачке его автомобиля. По пути к этому кафе они без конца переключали радиостанции, гости практически каждой из которой произносили их фамилию.

Сидевший будто на иголках Артур не мог понять, как можно было улыбаться и уж тем более смеяться в голос, когда происходило такое. Он не мог рассказать этим двоим об ужасе, пережитом накануне. Так, к примеру, проснувшись после тревожного сна, он подошел к окну во всю стену — там, внизу, разлегся многополосный проспект — двухъярусные магистрали, ряды многоквартирных домов и пустое, как никогда, небо. Артур никак не мог понять, почему привычная жизнь большинства горожан продолжается, если его мир вдруг разрушился до основания, а на его месте оставались пылающие руины. Это был его детский взгляд: если его нет, то не должно быть и всего, что вокруг.

Были, однако, в сложившейся ситуации пусть и сомнительные, но все же плюсы.

— Здорово ехать в автомобиле и слышать по радио комментарии приятеля, — делилась с ним одна из подруг.

— Ты молодец! Так поддерживать отца в сложной ситуации — дорогого стоит, — утверждала в мигающем на дисплее телефона сообщении другая.

С Тимуром они на время расстались с тем, чтобы глубокой ночью забрать со стоянки папину машину. Ранее, тем же вечером, они с Морем должны были вывезти из отцовского офиса системные блоки компьютеров, запрещенную литературу, другое имущество.

— Как обстановка? — спросил папа позднее, тем же вечером, глядя сквозь солнцезащитные очки из монитора Артура. На голове его была глубоко посаженная темно-зеленая кепка — цвет религии, защитником которой он, скорее поневоле, чем осознанно, он вдруг стал.

— Нормально. Скинул в мусоропровод некоторые книги, вроде бы ничего криминального. Ждем обыска утром.

Артур пытался понять, что бы он сам мог чувствовать там, на папином месте — оказавшись отрезанным от дел и планов, от привычного образа жизни. Что он мог чувствовать после такого эмоционального подъема, вдруг сильно упав на острые рифы ставшей неблагоприятной к нему судьбы?

— Сам как? — уточнил он остро.

— Все нормально, — сдавленным голосом ответил отец. — Телефон я выключил, сим-карту вынул. Немного изменил внешность — никто пока не обращает внимания. А как у вас? Встретился с Тимуром?

— Ты точно ему доверяешь? — вопросом на вопрос ответил Артур и, получив положительный ответ, продолжил: — Завтра мы должны будем забрать твою машину, но он ведет себя очень странно, я бы сказал, подозрительно.

— Тебе, скорее всего, кажется. Ты перестраховываешься, пойми, он просто-напросто тупой спортсмен, — довольно спокойно отреагировал отец. — Скоро приедет ко мне, одно дело провернем, чтобы «вытащить» немного денег на жизнь. Кстати, я там оставлял немного — он передал?

— Да, передал, но пятнадцать тысяч тут же забрал обратно — говорит, что у него свои расходы непредвиденные. Это, если хочешь знать мое мнение, как минимум, не по-товарищески.

— Вот козел! — брякнул в мгновение вспыхнувший отец и, по-видимому вспомнив свое собственное положение, уже менее решительно добавил: — Я с ним вечером поговорю.

Артуру было интересно, понимал ли он масштаб произошедшего или же продолжал безоговорочно верить в свою звезду?! Судя по всему, второе... Черт возьми, его ничем не проймешь.

Жизнь Артура на время превратилась в слипшийся ком из многочисленных действий разной степени бессмысленности: поездок, встреч, разговоров и короткого сна, неизбежно заканчивавшегося в холодном поту. Неужели все это правда?! Неужели это не сон?! Быть такого не может!

Но всякий раз ответами на подобные вопросы оказывались предпринятые накануне действия. Все это было правдой, а вечно пополнявшуюся гору нечистот нужно было кому-то разгрести.

Артур нередко подходил к широкому окну и понимал, что да, жизнь, несмотря на детские фантазии, продолжается. Мужик в окне дома напротив уже начал свои утренние процедуры, крутятся со сковородой и другой утварью у кухонного окна. В тот момент казалось, что в его жизни все устроено идеально, по единственно возможному распорядку.

Тем временем подоспела новость, что переводчик закончил работу над англоязычным текстом дебютной книги Артура и даже успел сдать его в издательство, которое планировало представить ее на международной ярмарке в Нью-Йорке. Впереди Артура ждали сколь бестолковые в финансовом отношении, столь и приободряющие морально выступления на нескольких площадках Большого Яблока.

— Наши планы относительно тебя — в свете случившегося — не изменились, — сказал Артуру представитель организаторов. — Съездишь, отдохнешь заодно.

Кажется, он даже похлопал Артура по плечу, забирая необходимые для поездки документы и откланиваясь. Артур смотрел на пустые в это время года фонтаны на Пушкинской площади и вдыхал холодный воздух. Собственно говоря, он и сам вдруг стал если не центром, то, по крайней мере, частью окружавшей его пустоты. Вокруг было много людей — здесь, зачем-то вспомнил он, прошла часть его юности. Тогда еще работавшие кинотеатры «Пушкинский» и «Kodak киномир» были идеальным местом для первых школьных свиданий, а «McDonald's» отличной возможностью недорого и вкусно утолить голод в том возрасте, когда фигура прощала все.

Между тем он был изгнан отовсюду, где работал и подрабатывал.

— Знаешь, дорогой, — сказал самый откровенный из его работодателей, — твой отец спасся, выехав, но его уже «заказали», а когда не найдут его, угадай, за кого возьмутся?!

— Продолжайте, — ответил Артур, глядя на стучащие по обитому зеленой кожей столу пальцы-сосиски своего тогдашнего руководителя.

— Его убьют, мне сообщили, — сказал он многозначительно и после паузы добавил: — А не найдут его, украдут тебя. А у нас, сам понимаешь... Я не хочу, чтобы это было как-то связано с нашей компанией.

Кашлянув, Артур встал. У добротной деревянной двери кабинета стояли телохранители его теперь уже бывшего босса. Их плечи были закованы в классического кроя черные костюмы. Артур медленно подошел к ним и, обернувшись к боссу, резко приставил кисть руки к козырьку воображаемой фуражки. Тот молча отхлебнул из чашки в металлическом железнодорожном подстаканнике и безвольно опустил взгляд.

В тот вечер, взяв две банки прохладного пива в соседней палатке, Артур прошелся по странному парку, окружавшему ЦДХ. Не зная, куда идти, он теперь шел на звук: кто-то выступал со сцены. Присев на деревянную лавку в последнем ряду и сделав добрый глоток, он стал наблюдать за пляшущим на сцене полноватым юношей. Он выглядел счастливым, бряцая на электрогитаре, высоко поднимая пухлую ногу и помахивая своей многослойной челкой. Артуру показалось, что он узнал этого артиста — он был сыном того самого предпринимателя, некогда стоявшего за витриной «Петровского пассажа».

Артур быстро пьянел и со скукой оглядывал присутствовавших. Он, в частности, заметил, что несколько девушек, сидевших в двух-трех рядах от него, с интересом оборачивались и тихо шептались о чем-то. Артур вдруг понял, что ему было все равно. «Танцуй, пока молодой, мальчик, — думал он, глядя на парня на сцене. — Когда-нибудь и твоего отца наверняка повяжут — посмотрим, как ты будешь себя вести».

Наш герой безусловно злорадствовал и отмечал это за собой, но вместе с тем не мог не прийти к одной простой мысли. Случись что с отцом этого парня на сцене или с кем-то в его окружении, вряд ли он будет заседать в московских парках, размышляя о том, как бы найти такую работу, где бы его не смогли узнать. Скорее всего, делая очередной глоток, размышлял он, этот парень до конца своих дней ни в чем не будет нуждаться. Более того, в течение пары недель его ждет воссоединение на семейной вилле где-нибудь в Италии или на Лазурном берегу Франции. Все это, естественно, не добавляло в глазах Артура очков его отцу — по сути, бездарно истратившему свои многочисленные возможности.

Допив вторую банку пива и с шумом сжав ее в кулаке, Артур бросил ее в стоявшую подле урну и двинулся прочь из парка. Странная музыка все затихала за его спиной, а потом, совсем растворившись в воздухе, сменилась шумом дорог и металлическим визгом собственных мыслей.

Куда он шел? Он брел в никуда. Брел, от внезапно настигшей его усталости едва переставляя ноги. Брел навстречу своему похищению и убийству своего отца, если верить сказанному.

И все бы ничего, но незадолго до того он пытался устроиться на другую работу, откуда его выдавили через несколько дней за излишнюю, на взгляд молодого редактора, картавость.

— Понимаешь, Артур, — сказал редактор, задумчиво сложив руки перед собой, — некоторых дефекты речи украшают, а некоторым — напротив...

Выждав паузу, чтобы Артур успел осмыслить сказанное, он подытожил, словно опустив остро наточенный гильотинный нож:

— Ты относишься ко второй категории.

Только ком, разросшийся в горле от столь неожиданной аттестации, и вот-вот готовые хлынуть слезы почти детской обиды не позволили Артуру еще больше смешать наплывшие один на другой акулы зубы редактора.

— Ты приходи завтра... Обязательно приходи, — бормотал «зубастик» в спину Артура.

Конечно же, он не пришел на следующий день — все еще движимый по высоким волнам жизни юношеским максимализмом, он моментально возненавидел не только этого человека, но и компанию, в которой тот работал. Артур мечтал о его полном и безоговорочном крахе — разрушении всех основ его жизни.

Едва нахлынувшая ненависть в одну из ночей, последовавших за этим микроконфликтом, трансформировалась в нечто невразумительное: вместо вызова на дуэль Артур зачем-то направил ему письмо, на которое тот, конечно же, не ответил.

Теперь, когда отец покинул страну и вряд ли мог чем-то помочь, Артуру нужно было брать на себя ответственность за их с мамой дальнейшее существование. Пришла пора задвинуть юношеские мечты и устремления в дальний шкаф и взяться за дело. И было абсолютно неважно, что это могло быть за дело — охранник супермаркета или репетитор по чему угодно, — главным критерием выбора его времяпрепровождения становился размер материальной компенсации, до которой раньше ему не было никакого дела.

Это само собой разумелось, а глухое молчание, висевшее между ним и мамой, им и его девушкой Леной, ясно говорили Артуру, чего они от него, как мужчины, ожидали. Сильно затянувшееся в условиях обеспеченности детство закончилось, шмякнув его носом о подлинную реальность. Сейчас надо было лишь съездить в Америку, а там разобраться с происходившими в его жизни переменами.

Говорят, что судьба порой улыбается тем или иным людям — вне зависимости от их жизненных обстоятельств. Казалось, что все происходящее вокруг двигалось по каким-то особенным — никому не подвластным и вряд ли кому понятным — законам.

Именно этим отсутствием логики в происходящем, наверное, и можно объяснить то, что Артура ни с того ни с сего пригласили делать литературную рубрику на одной из радиостанций.

— Ты такой волшебный, — сказала Артуру Оля, ведущая вечернего ток-шоу, в котором он должен был регулярно появляться.

Непродолжительный отъезд в Америку совпал с усилением ее интереса к Артуру, после чего они, само собой, снова встретились. Стрижка каре, грушевидная фигура, большие грустные глаза и улыбка в половину лица. Слушатели ее любили — страницы в социальных сетях были завалены сотнями ежедневно пополняемых дружеских сообщений, а однажды она даже попросила Артура успокоить особо ретивого фаната.

Судя по всему, нормальный мужик, он после вмешательства Артура коротко ответил «понял» и вроде как пропал с ее радаров. Оля с каждым днем смотрела на Артура все более пугающе влюбленно. Казалось, потеряв голову, она была готова положить всю свою жизнь на алтарь вымышленных отношений.

— Я не могу, — бросал он, вырываясь из ее цепких объятий на парковке у радиостанции после очередного эфира, — просто не могу.

Невысокого роста, подвижная, улыбчивая брюнетка, она обиженно и как-то по-детски закусывала нижнюю губу, шкодливо поворачивая голову набок. Артур читал немой вопрос в ее глубоко посаженных карих глазах и, пытаясь справиться с внутренним волнением, в какой-то момент произнес кольнувшую его самую фразу:

— Я не свободен, — имея в виду, естественно, свою затянувшуюся романтическую историю с Леной.

Оля молча покачивала головой, а Артур читал ее мысли: «Ну что же ты так, писатель? Слабоватый сюжетец выходит, прямо скажем. Будь ты настоящим литерато-

ром, занырнул бы в эту историю с головой, мог бы получить бесценный опыт. А так, согласись, ерунда какая-то».

— Я догадывалась, — ответила она, вновь предприняв попытку сжать Артура в объятиях.

В Америке, оказавшись в компании целого десанта российских писателей, он стал случайным свидетелем короткого убийства винным штопором, присоединился к бродячей акции протеста Occupy Wall-Street, где-то выступал и фотографировался.

К нему в Нью-Йорк после долгих уговоров приехала-таки Лена, хотя и старательно избегала посещения литературных мероприятий, в последнее время активно предпочитая им походы в кафе и магазины. Когда Артур привел ее в скромный номер отеля, занимаемый им с коллегой-писателем, она только и смогла произнести:

— Бедные!

И вправду, кровать-полуторка была придвинута к небольшому окну, вид из которого был единственным плюсом гостиницы. Маленький рабочий стол, обложенный чемоданами, и раздвижная дверь в столь же неприметную ванную комнату дополняли картину.

Казалось, что отношения Артура с Леной сами собой истлели под ярким солнцем жизни — слишком долго, слишком медленно, слишком спокойно. Казалось, что всего в этих отношениях было чересчур, притом что вечно чего-то не хватало.

Невысокого роста, с длинными темными волосами, Лена была его первой настоящей любовью, с которой Артур имел неосторожность познакомиться еще на первом курсе университета. Шли годы, а они всё были вместе: ходили в кино, театры и кафе, продолжая при этом жить со своими родителями. Для серьезного, спасительного для отношений шага не было ни повода, ни возможностей, а история про рай в шалаше была не про нее.

При заселении в этот отель Артур тут же направил гневное сообщение представителю организаторов, но, не удовлетворив свой пыл, решил еще и позвонить.

— Так, тут жить невозможно, прошу подобрать другой номер, — начал он с места в карьер.

Спокойный, убаюкивающий тон на другом конце провода поначалу показался возмутительным, но озвученные аргументы возымели свое действие.

— Послушай, Артур, это, конечно, неправильно вышло, но отнесись к этому проще — как к приключению.

— Как к приключению? — отвечал Артур вопросом на вопрос. — Как мы — два взрослых мужика — будем спать на полуторке?

— Да-да, как к приключению, причем с вытекающими из него положительными моментами. Расскажу тебе одну историю: как-то давным-давно я оказался в аналогичной ситуации — нас с главным редактором одного «толстого» литературного журнала разместили в похожем номере, и ничего — в том же году в журнале вышла подборка моих рассказов.

Коротко хихикнув, он продолжил:

— Вот и вы потом друг другу поможете. Короче говоря, я дам каждому из вас по двести баксов, погуляете лучше, чем возиться с переездом. Как тебе идея?

Черт возьми, представитель организаторов был отличным переговорщиком, к которому, знай он хотя бы пару иностранных языков, наверняка бы пригляделось Министерство иностранных дел.

Артуру попался спокойный сосед, который либо, как и он, отсутствовал в номере, либо, лежа на кровати, в очередной раз вычитывал текст своего дебютного романа, который должен был быть опубликован в одном из журналов. Тема двухсот дол-

ларов ему также приглянулась, и он, как и Артур, теперь находил в их совместном проживании одни плюсы.

Пьяные, они как-то брели через ночной Центральный парк (его сосед по номеру, ответственный отец семейства, старался держаться поближе к свету уличных фонарей), и Артур рассказывал ему о гражданской войне, которую собирался развязать в своем расшатанном сознании.

— Так ты будешь за нас или запишешься в контрреволюционеры?

— Я не хочу проливать кровь, я всего лишь писатель, — бормотал тот в ответ и наверняка поправил бы на носу очки, если бы их носил.

— Всего лишь писатель! — передразнил Артур. — Ты в первую очередь мужчина, помни это — хищник, который крушит противников! Решено — вот приедешь к себе в провинцию, сразу откроешь и возглавишь отделение нашего революционного кружка!

Бросив взгляд на его доброе, расплывшееся в улыбке лицо, Артур решил на всякий случай пригрозить:

— А нет, так мы тебя расстреляем по законам военного времени! Представляешь, как зазвучат твои тексты после такого?

Вспомнив о его семье, Артур похлопал товарища по плечу и решил добавить:

— Не беспокойся, о супруге твоей мы позаботимся, лично выпишу ей повышенную пенсию, — и подумав немного: — Помни, что еще не поздно все изменить и вписать свое имя в скрижали истории!

Скорее всего, Артур был невыносим, но людям творческим нравилась его непредсказуемая «придурь», а немногочисленные читатели, приходившие на встречи, считали ее нормой жизни всякого пишущего человека.

Гуляя по Нью-Йорку, Артур все вспоминал свой первый приезд в город — перелет за океан и ощущение полной потерянности, подавленности, одиночества, которое, пожалуй, в полной мере можно ощутить только в мегаполисах.

Вообще, когда он оказывался в новом месте, к нему всегда приходила до банальности простая мысль, стабильно нарушающая внутреннее равновесие: ведь где-то там, за тысячи-десятки тысяч километров, идет привычная жизнь в привычной реальности. Вот твой дом, облизанный лучами закатного московского солнца, широкий проспект, глядя на который ты провел не один пустой вечер. А потом приходит и мысль-перевертыш: когда ты был там, этот новый, чудный мир тоже существовал и жил своей жизнью — люди ходили по улицам, в окнах небоскребов включался и выключался свет, пожарные машины с оглушающим ревом проносились по бесчисленным стритам и авеню.

И вновь мысль о никчемности человеческой жизни начинала путешествие по его организму, больно расковыривая не успевающие затянуться болячки. Стать всем для всего человечества, заместив собой не только настоящее, но и прошлое с будущим, стать экспертом во всех отраслях, лучшим из лучших во всем, да так, чтобы аплодировали стоя. Но достичь этого, похоже, невозможно — становясь экспертом в одной области, ты упускаешь из виду тысячу других, и даже лучший пианист не сможет удержать первенства в игре, скажем, на барабанах, что говорить о более далеких навыках и умениях.

Автобус, впервые доставивший Артура из аэропорта JFK в центр города, стал выплевывать пассажиров.

Артур брел с сумкой-тележкой по центру Нью-Йорка, стараясь отыскать отель, номер в котором забронировал, и воображал себя пришельцем, сброшенным с парашютом с другой, просто другой планеты.

Если нельзя быть лучшим сразу во всем, то какой смысл углубляться во что-то частное — это же натуральная глупость и бессмыслица.

— Твой блин выходит большим, но очень тонким, — сказала прямая, как топор, знакомая, имевшая неосторожность спросить его, что почитать, — все это на первый взгляд звучит убедительно, но ткнешь поглубже, и ты наверняка поплывешь.

— Надеюсь, что этот разросшийся блин постепенно начнет уплотняться, — скорее успокаивал он сам себя, чем отвечал на обидный тезис, — и годам к тридцати пяти-сорока окружающие смогут назвать меня энциклопедистом или, кто знает, даже интеллектуалом. Разве это плохо?

— Тебе лучше знать, но до тридцати пяти-сорока тебе и твоим близким тоже есть-пить надо — научись зарабатывать деньги — это главное, — парировала его собеседница, на что Артура нечего было возразить.

Артур ненавидел эти разговоры. Какие деньги? А главное — зачем?

И если на этот раз его девушка Лена приехала в Большое Яблоко вслед за ним, то тогда, в первый раз, он присоединился к ней.

Лена, отправившаяся в путешествие со старшей сестрой, ожидала его в двухкомнатной квартире, снятой на несколько суток.

Все хорошее рано или поздно заканчивается, и по возвращении в Москву он вновь погрузился в нескончаемый ад папиного уголовного дела. Министерство юстиции страны вынесло постановление о лишении его адвокатского статуса, следствие продолжало собирать материалы, допрашивать свидетелей злосчастного интервью, людей, с ним общавшихся.

В рамках расследования в орбиту внимания следственных органов попали и члены семьи предполагаемого преступника. В кабинете сотрудника Следственного комитета, украшенного, к удивлению Артура, фотографиями Че Гевары и Тупака Шакура, их с мамой стали опрашивать, каким человеком на самом деле был отец.

Следователь, по-видимому проникшись симпатией к собеседникам, указала на внушительную стопку документов на столе:

— Видите? — вопрошала она, глядя над очками, словно учительница младших классов. — Это все обращения по вашему делу, поступившие через Интернет. И каждое из них нужно обработать и дать ответ по существу.

Артур оглядел плотную стопку бумаг и искренне посочувствовал следователю. Казалось, что кто-то из его родственников увел отару овец у соседей и теперь несчастный участковый вынужден, тратя силы, формировать дело, понимая, что оно ни к чему по большому счету не приведет.

Отец Артура, доступный по Интернету, все так же в солнцезащитных очках и на двинутой на брови кепи, был, насколько возможно, далек от происходящего. Ему, к огорчению Артура, казалось, что все это если не случайность, то обычная глупость, которая не сегодня, так завтра должна закончиться. В общем, он явно не понимал масштабов происходящего и грезил будущими победами.

Артур же мысленно возвращался к своим одиноким прогулкам по Центральному парку Нью-Йорка. Он чувствовал, что, если весь мир был бы против него, он бы по-своему победил. Какой бы была эта победа?! Ответ был комфортен для Артура, ведь в современных условиях трудно продемонстрировать конкретное достижение, а еще сложнее — ожидать его всеобщего признания. Мировая революция, переворот, участником которого он некогда видел себя, теперь отделились безвозвратно. Артуру, стыдно признаться, все чаще хотелось лишь спокойствия наедине со стаканом, который он все чаще держал в руке.

* * *

Я продолжал исследовать архивы Артура даже после того, как это потеряло всякий смысл. Какую это могло играть роль, тем более в ситуации, когда Артура не стало. Я, словно заведенный, работал над его черновиками, периодически отделяясь от них — то уходя в форменный запой, то прогуливаясь по улицам очередного незнакомого города.

Мы с Артуром превращались в нечто единое — трудно отделимое друг от друга. Так, я по-настоящему проникся его заботами, пусть не высказанными с полной откровенностью; они казались мне, как минимум, небезынтересными. Кроме записок Артура, я словно разговаривал с ним самим, но и тогда наше общение постепенно сводилось к минимуму. Причиной стало то, что Артуру казалось, будто я стал подлинным приспособленцем, каких вокруг было и без того немало.

— Ты превращаешься в жалкое подобие самого себя, — как-то бросил он довольно жестоко.

Я утерся, но запомнил его пассаж, позднее поинтересовавшись, в чем же был его собственный подвиг, его собственная революция.

— Я живу только здесь и сейчас! — кричал он внутри меня, едва не брызгая слюной. — Я не приспосабливаюсь к окружающей действительности и рано или поздно изменю ее на собственный лад.

Я стал восстанавливаться в аспирантуре и все реже обращался к Артуру. По моим наблюдениям, и он утонул в повседневной суете, едва ли не заплыв жиром, который ранее так ненавидел.

Работая с черновиками Артура, на которые я возлагал такие надежды, я постепенно понял, что имею дело не с текстами, способными изменить жизнь и общество, а с ординарными человеческими документами, по-своему любопытными, но ни на что по большому счету не влиявшими и мало кого по-настоящему интересовавшими. Все его фантазии были слишком локальными, идеи простыми. Сам он был мало похож на человека, способного к тому, чтобы возглавить серьезные преобразования.

Так что же это было? Элементарная человеческая лень заняться чем-то по-настоящему ответственным или нечто большее, чем обывательское ничто?!

Чем глубже я проникал в историю Артура, тем чаще мне казалось, что второе. Я по-своему не желал верить в это, ведь из-за него я потерял столь драгоценное время, и потому всякий раз давал ему новые шансы.

В то же время то, что некогда привело меня к Артуру, так и не давало мне покоя. Бессмысленность происходившего вокруг, невозможность изменения хода вещей, собственная слабость и некое охватившее едва ли не всех вокруг безволие внушали ощущение абсолютной беспомощности.

Немногие оставшиеся записки Артура вряд ли могли изменить дело. И тем не менее, поглаживая коробочку в своем кармане, я продолжил работать с его материалами.

Чем дальше, тем более оборванными и разрозненными они мне представлялись. И тем не менее нечто мистическое заставляло меня продолжать разгребать эти записки — написанные от руки или отпечатанные на черно-белом, с потеками краски, принтере.

Вернувшись в город после того, как страсти по нападению на Артура улеглись, я гулял по центру столицы — там, где мы с ним когда-то бродили. В Гнездиловском переулке, где располагалась гимназия, которую он окончил, на Пушкинской площади, с которой, как и у всякого другого москвича, у него были связаны десятки историй, на Триумфальной, где его неоднократно задерживали сотрудни-

ки полиции за участие в несанкционированных митингах. Я, словно потерянный, бродил по улочкам и всюду видел тень Артура. Казалось, вот сейчас он выглянет из-за колоннады Концертного зала Чайковского или улыбнется мне из-за широкой витрины одного из кафе. Я искал его всюду, не мечтая встретить. Казалось, с потерей Артура я безвозвратно потерял и часть себя. И пусть при трезвом анализе выяснялось, что это была не самая лучшая моя половина, но, возможно, она и была стержневой, на которую затем нанизывались другие слои.

Я с досадой осознавал, что, стараясь превратиться в лучшую версию себя, потерял индивидуальность и гнулся при каждом порыве ветра. Отныне мне все было безразлично: выступать ли за правых или за левых, биться за один оттенок добра или за другой, работать ли или окончательно бросить свои окололитературные потуги. Я с ужасом осознавал, что дошел до того, что мне было все равно, что обо мне подумают окружающие. Декан филфака — с рыжей щеткой усов — отныне мог смело вытереть о меня ноги, не получив намека на отпор. Постепенно я становился обычным жителем мегаполиса — задумчивым, строящим вялые планы на будущее, согласным со всем вокруг, точнее, не ожидающим ничего другого. Вместе с потерей Артура во мне исчезло второе «я» — удерживавшее в своей, пусть несовершенной конструкции разрозненные части пазла личности. Теперь, развалившаяся, словно средневековая крепость, она казалась жалкой. И как древние умудрялись удерживать оборону, находясь в таких хилых строениях?!

Проходя сквозь людей, толпившихся в вечерний час на тротуарах, я думал, что же мне делать дальше. Мечты о революционных преобразованиях, описанные Артуром в его первой книге и совсем коротко упомянутые в последующих, никогда не будут претворены в жизнь, ведь сам он перестал существовать, а вокруг меня — и слава богу, что я это понимал — была пустота безвременья, предсказуемая и безынтересная. Артур, и это было его главным достижением, умел создать видимость чего-то важного, рядом с ним казалось, что именно здесь и сейчас вершится история. Ему словно бы без особых усилий удавалось заряжать окружающую действительность особыми токами. Что это было — юношеский ли задор или осознанный выбор взрослого человека — теперь было не разобраться.

«Дорогой, как же хорошо, что ты пришел», — звучало его болезненно-слабое в голове.

Одновременно хотелось пить и вытошнить все, что было съедено и выпито ранее — буквально за все годы жизни. Я вдруг ярко представил себе фонтан, настоящий поток, заливающий центральные улицы города. И всех этих людей — таких же глупых, как и я, таких же пустых, как и я, таких же бездарных и бессмысленных, как и я.

Я хотел утопить в помоях весь мир, который, кажется, окончательно устаканился в своей самодовольной стабильности. Теперь, после знакомства с Артуром и, главное, после его потери, я не мог больше жить в прежних границах.

Мне хотелось одновременно вновь найти себя и крушить все вокруг. Я шел к «Белорусской», не зная зачем, чтобы хоть куда-нибудь идти, когда вдруг зазвонил мой телефон.

— Артур? — услышал я женский голос на том конце провода.

— Нет. Кто это? — уточнил я.

— Артурчик, зачем ты со мной так? — кажется, искренне расстроилась собеседница.

— Это не Артур, это его друг... — выдавил я нехотя, заинтересовавшись. — Ты представишься?

— Артур, очнись, это Лена! Неужели ты всерьез думаешь, что я могу тебя не узнать?

Хотя Артур периодически и упоминал о ней, я понятия не имел, что ей ответить. Между тем я приближался к «Белорусской». Новые билдинги офисных центров высились по правую сторону, слева, будто в небольшой ямке, расположилось опрятное здание вокзала.

— Ну... — беспомощно протянул я в трубку.

— Когда мы наконец встретимся?! Куда ты пропал? — продолжала она сыпать вопросами.

Артур зачем-то тянул эти тяготившие его отношения много лет, значит, она что-то для него значила?! Как теперь я должен вести себя с ней, когда его не стало?!

— Лена... — мрачно произнес я, не зная, что ответить. — Давай встретимся... Завтра.

— Конечно, давай, милый! Я так соскучилась! — вдруг осветившийся каким-то внутренним светом голос заверещал, словно трель соловья.

Я понимал, что обманываю ее, но не смог сказать ничего, кроме: «Давай».

Она виртуально поцеловала меня и, объявив место встречи — свою квартиру (мама должна была быть в гостях), бросила трубку.

Заходящее солнце окрашивало окружающее в особенный цвет, придавая всему одновременно возвышенный и печальный тон. Алые лучи отражались в металлическом стекле бизнес-центров. Нехотя опускавшийся на город вечер вяло отвоевывал свои позиции, превращая все вокруг в неоновый красный. Эта неуместная карнавальность на фоне общей разрухи — скорее внутреннего, чем внешнего надлома — еще больше меня разозлила.

«Что делать? Как быть? К чему все это?!» — самые мягкие вопросы, которые я задавал себе, пока ехал к дому.

Там должна была быть мама, которая наверняка, сама того не понимая, успокоила бы меня.

Еще пара оставшихся черновиков Артура. Они пусть не приносили хоть какого-то облегчения, тем не менее придавали всему вокруг какое-то новое значение. Нужно было довести начатое до конца, хотя бы по чуть-чуть редактируя эти тексты.

* * *

Василина появилась в его жизни, когда Артур уже перестал ждать чего-то хорошего. Он просто бросил ждать, научившись жить здесь и сейчас — до тоскливости просто. По-обывательски тошнотворно.

Он помнил, что быстро собрался на первую встречу — они договорились увидеться у памятника Пушкину, и там его, как бы банально это ни прозвучало, словно бы пронзила молния. Странно, но в самый что ни на есть солнечный день стоило им пожать руки, вдруг пошел дождь, да такой мощный, что им пришлось бежать до одной из кофеен.

Там Артур заказал какао, она кофе — и они наконец приступили к тому, ради чего встретились — к интервью. Артур старался произвести впечатление: был многословен и резок в суждениях, много шутил. Когда они прощались у одного из переходов станции метро «Пушкинская», Артур понял, что пропал.

Но где был он и где она? Русская американка, движущаяся по жизни на мощнейшем таланте и выработанной за годы студенчества в западных вузах силе воли, и он. Они проживали разные жизни. Артуру, несмотря на яркую самопрезентацию, все чаще просто-напросто не хотелось вставать с постели.

В те времена он, кажется, забыл о буйном духе, некогда его населявшем, — отвернулся от него, будто его и не было никогда, растворился в толпе. Казалось, он

хотел стать максимально незаметным, и если вдруг замечал где-то одного из многочисленных знакомых, лишь отводил взгляд и убыстрял шаг.

Лишь изредка люди, читавшие его ранние тексты, находили его и сколько было сил поддерживали в нем пламя. Но каждого из них, занятого событиями реальной жизни, не хватало надолго — они отпадали один за другим, всякий раз оставляя Артура наедине с самим собой.

А тут она. Странно, но если бы до встречи с ней Артура попросили рассказать об идеальной женской внешности, получилась бы — о, это редкое имя! — Василина. Открытая улыбка, чуть вздернутый носик, темные волосы, белая полупрозрачная кожа и идеальная же точеная фигура. Разве он мог заинтересовать ее как мужчина?! Он бы никогда ни за что в это не поверил.

Проводив ее до метро, он вновь пожал ей руку. Они договорились встретиться вновь до ее отъезда, и она побежала прочь. Артур смотрел ей вслед, ожидая, как в известной песне, не обернется ли она, но она не обернулась. И вот он остался один — стоять среди спешащих по делам людей, не понимая, что же делать дальше.

В тот вечер он еще долго не мог найти дорогу к дому. То и дело порывался написать ей, но что бы он сказал?! Все, что ни приходило в голову, казалось сущей глупостью, недостойной ее внимания.

Да еще и Лена...

Что же это было, если не любовь с первого взгляда?

И завертелось. Он стал осторожно писать. Василина, из вежливости или взаимной симпатии, отвечала. В какой-то момент она даже предложила встретиться.

«Я бы хотела отблагодарить тебя за то, что согласился на интервью, — написала она. — Давай выпьем вина».

Нет, это Артур был ей благодарен — за то, что она, аспирантка Массачусетского технологического, не просто умница, но и красавица, отыскала его, залегшего на глубокое дно и начавшего покрываться мхом, чтобы расспросить о том, что когда-то было смыслом его жизни. Что оказалась внимательным, искренне заинтересованным слушателем.

Каждый ее вопрос, каждая реакция, отражавшаяся на ее миловидном лице, пробуждали в нем что-то новое, вернее, не пробуждали даже, а напоминали о том, каким он был когда-то, ради чего некогда жил. И каким он должен был стать снова — чтобы, если вдруг решится на эту дерзость, быть с ней.

* * *

Та неделя в Бостоне, в кампусе ее университета, была одной из самых счастливых в жизни Артура. И не потому, что именно там развивалось действие одного из его любимых романов — «Прощай, Колабус!», а потому, что там расцвел его собственный роман.

Василина встретила его в аэропорту в футболке с надписью на спине: «Team Arthur», как если бы он был всемирно известным боксером, выходящим на ринг в борьбе за очередной титул. Вернее, он уже обладал им и должен был всего лишь отстоять в схватке с обыденностью и своим сложным характером.

В те бостонские деньки они, без преувеличения, были самыми счастливыми людьми на земле. Оторванные от общей прародины, вообще от каких бы то ни было границ, пространств и времени, наполненные любовью друг к другу. Артур нередко пересматривал фотографии тех дней и всякий раз наполнялся особенной нежностью.

Жаль, что, как и многие, они не смогли удержать то, что родилось и расцвело между ними. Цветущий сад постепенно превратился в мрачный лес. Извилистые

тропки отношений всякий раз заводили в колючий кустарник, где клацали зубами дикие звери. Порой им удавалось оттяпать и утащить в лес часть того, что было между ними. Вечная любовь, как нередко случается, сама собой превратилась в незначительную историю.

Воистину «Прощай, Коламбус!», хотя в тот момент мысль о расставании была немыслима. Артур был счастлив тем чувством, которое перечеркивало весь предыдущий жизненный опыт, стирало начисто все, что было за плечами.

* * *

Ну что ж, заметки Артура закончились, я кое-как подредактировал их, что-то сократил, что-то, совсем немного, прибавил. Артур слишком торопился жить, искренне любил ее и, наверное, поэтому никогда не работал со своими текстами всерьез. Очевидный талант писательства его тяготил, а сам он не находил ни времени, ни особой нужды в том, чтобы предаваться этому занятию хоть сколько-нибудь продолжительное время...

Я взгляделся в госдумовском туалете в свое отражение в зеркале. Овал лица, некогда скуластый и острый, быстро оплыл в лоснящемся самодовольстве. Я вдруг отметил, что и кожа потемнела — возможно я подцепил в коридорах власти не сходящий средиземноморский загар. В эти коридоры я, после производственной практики здесь, стал регулярно захаживать.

Мне предстояло провести круглый стол, провести его по возможности ярко и запоминающееся. Особенностью стоявшей передо мной задачи было то, что я не верил в реализацию ни одной идеи, приведенной не только в повестке дня, но и в подготовленном мною же проекте резолюции, которую мы, с молчаливого согласия присутствовавших, должны были принять.

Александр Степанович, олицетворявший собой образ настоящего русского мужика, высокого, долговязого блондина, остроумного, самовлюбленного и вместе с тем исполнительного, подбадривал нас, молодых партийных деятелей, с головой окунувшихся в системную политику.

— Давайте, ребята, надо поднажать — сейчас вы громко заявите о себе. А дальше дело техники.

И мимоходом подмигнув одним глазом, откатывался на офисном кресле к служебному компьютеру, чтобы проверить, не вышла ли очередная серия популярного западного сериала.

Странно было наблюдать за ним, сидящим в кабинете с большим окном в самом центре Москвы и вроде как уполномоченным решать важные вопросы, но так, черт возьми, выглядели едва ли не все чиновники, остававшиеся вне фокуса внимания средств массовой информации. Ироничные, циничные и все еще казавшиеся человечными. Возможно, карабканье вверх, поближе к вершине власти, постепенно вымывало все это — к таким высотам я еще не был допущен.

Я занял свое место по правую — о, особая честь! — руку от Александра Степановича — во главе стола, за которым уже сидели известные общественные и религиозные деятели, депутаты и журналисты. На многочисленных плазменных панелях, развешанных вдоль зала, мелькали логотипы парламентских партий, члены которых присутствовали на заседании.

Я бросил взгляд на окна в полстены. На стульях для гостей разместились коллеги и друзья пришедших, а также зеваки, не поленившиеся прийти на, как им показалось, небезынтересное мероприятие. За столом разместилась большая часть приглашенных спикеров.

Я налил в высокий стакан знакомый с детства лимонад «Буратино», который почему-то пользовался популярностью в казенных кабинетах парламента. Просматривая материалы предстоявшего круглого стола, выпил и подлил еще.

И хотя я притупил в себе чувство безгливости к самому себе в новой роли и к декорациям, и к коллегам по спектаклю, которые меня окружали, какие-то отголоски все-таки проникали в сознание.

Как бы Артур взглянул на все это? А не все ли, черт возьми, равно?!

Александр Степанович объявил круглый стол открытым и передал мне бразды модератора, я, в свою очередь произнес краткое вступительное слово, передал микрофон первому спикеру. И завертелось. Каждый высказывал свое особое, никому не интересное и ничего не значащее мнение, с разной степенью живости реагировал на вопросы и комментарии, что-то записывал в блокнот. Лживые, никому не нужные слова над столом разлетались непрерывной пулеметной очередью. Кто-то нет-нет и отстреливался из кустов.

Мне хотелось достать револьвер и, запрыгнув на стол, выстрелить в потолок — так, чтобы штукатурка осыпалась на холеные головы собравшихся, а чувство собственной значимости в глазах сменилось животным паническим страхом.

Что бы я заявил? Да черт его знает, так далеко в своих фантазиях я не заходил. Ну и потом, если я в какой-то претензии к ним, то что я сам делал в их кругу?!

Я представлял, что через пару часов вернусь домой, где меня будет ждать мама. Позднее, вечером, наверняка понуро придет и более или менее оклемавшийся от известной истории отец, Лена будет ждать меня с ужином. Я войду в свою комнату с подростковой кроватью и стопками книг, сложенными в новом порядке, и стану переодеваться к ужину.

— Ну как дела на работе? — спросит меня Лена довольно дружелюбно.

Я приобниму ее и расскажу, как прошел мой день. За ужином мы будем говорить обо всем на свете, как это делают в обычных семьях. Возможно, я даже буду чувствовать себя счастливым. И в тот момент будет казаться, что все это может продлиться целую вечность.

Но все это случится позже, когда наш круглый стол завершит свою работу. Мое внимание к деталям неизбежно ослабевает. Я подливаю себе лимонад и, выпив его едва ли не залпом, прислушиваюсь к звону в голове. Возможно, это никакой не звон, а голос Артура, который пытается говорить со мной.

Я закрываю глаза и слегка откидываюсь в высоком кожаном кресле — голос его становится все тише, пока не исчезает вовсе...